

18+

Пол Янски

МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ

Пол Янски

Мрачные истории

«Издательские решения»

Янски П.

Мрачные истории / П. Янски — «Издательские решения»,

«Мрачные истории» — сборник фантастических и не очень рассказов, каждый из которых так или иначе пытается найти ответ на вопрос «Что значит быть человеком?»

Содержание

Зуд	6
Часть меня	9
Наказание для Королевы	13
Меня зовут Арти!	18
Ни дня без гвоздя!	23
Глаз Линкея	26
Остров одного	30
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мрачные истории

Пол Янски

© Пол Янски, 2026

ISBN 978-5-0069-8044-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мрачный город рождает мрачных людей.

Мрачные люди рождают мрачные истории.

Зуд

«Хырр, хырр», — почесался милейшей души человек мистер Мангес и приветливо улыбнулся молодой секретарше.

Мисс Дорсмен улыбнулась в ответ.

— Он у себя? — спросил Мангес, потирая одну руку о другую.

Секретарша кивнула.

— Превеликолепнейше, — проговорил он и, немного ссутулившись, сделал пару неловких ударов костяшками пальцев в тяжелую дверь.

— Входи, — послышалось из-за двери, и Мангес вошел в кабинет.

Кабинет был большой, что уж говорить.

«Всё-таки босс, не хухры-мухры», — подумал Мангес.

— Садись, Питер, поговорить надо, — начал босс.

Мангес с трудом отодвинул стул и тяжело плюхнулся на него.

— Слушай, Питер. Я, конечно, понимаю, что вопрос не к тебе. Ты не удивляйся, — босс замолчал, посмотрел на стоящий на столе графин и стал долго наливать чайного цвета жидкость в стакан. — Единство, — выдал вдруг босс и довольно зажмурился, — понимаешь? Нам нужно единство. Вот как сейчас?

Питер Мангес неловко пожал плечами.

— Сейчас всё сикось-накось, — пояснил босс, — а надо, чтобы мы стали единым механизмом. Чтобы шестеренки одна за другую, — босс сцепил руки в замок, — понимаешь?

Питер неуверенно кивнул.

— Построение команды, единого целого, — продолжал босс, — считай, единого организма. Понимаешь намек?

Питер снова кивнул, но еще неувереннее.

— Вот! — расплылся босс в широкой улыбке. — Я знал, что ты поймешь. Поэтому ты-то мне и нужен.

— А что от меня требуется? — проговорил он. — Я же просто электрик.

— Так это же еще лучше! Ты ж ни у кого не вызовешь подозрений. Ходишь, крутишь свои проводки, бурчишь что-то под нос. Это-то мне... это-то НАМ и нужно! Собственно, ты будешь делать всё то же, что делал и раньше, с одной небольшой разницей.

Мистер Мангес внимательно поднял брови. Но босс молча взял стакан, медленно выпил и, покраснев от натуги, отрыгнул. Запахло деревом и ванилью.

— Я всё же не очень понимаю... — промямлил Мангес, но его слова прервал хрип босса.

— Что с вами? — опешил Мангес.

Босс привстал. Его раскрасневшееся лицо застыло в гримасе то ли ужаса, то ли гнева. Питер еще какие-то мгновения взволнованно смотрел на босса, затем подпрыгнул на месте и бросился к двери. Но она оказалась заперта.

— Мисс Дорсмен! — закричал Мангес через дверь. — Откройте! Боссу плохо!

Секретарша глянула в сторону двери и лукаво улыбнулась.

— Мисс Дорсмен! — вновь кричал Питер, уже тарабанив в дверь.

— Не шуми, — раздалось за спиной Мангеса, и он резко обернулся.

Босс стоял перед ним, не моргая, приоткрыв рот, из которого свисала тягучая слюна.

— Не привлекай внимание, — прохрипел босс, — всё пройдет быстро, — и слюна из его рта, оторвавшись, глухо шлепнулась о паркет.

Питер Мангес, как и на протяжении последних, кажется, двадцати или тридцати лет, в очередной раз стоял и скручивал провода. Розетка здесь, розетка там. Привычное дело. Осо-

бенно в мире, где техника и электричество правят бал. «Мне на хлеб всегда хватит, — размышлял он, — и на масло иногда». Пальцы его от такой работы огрубели, а суставы их с возрастом двигались всё хуже. Но занятие свое Мангес не бросал, как не бросил бы старую привычку.

— Питер, вот не надоело тебе всю жизнь ерундой этой маяться? — спрашивали его частенько, пока он ковырялся с приборами и отвертками.

Питер в ответ лишь улыбался уголком рта, словно знал некую великую тайну, которую не хотел раскрывать, и от этого волнительного момента сухая кожа его начинала зудеть. «Хырр, хырр», — чесал он то руку, то голову. Но зуд не становился меньше, скорее наоборот.

«Чертова чесотка», — думал он про себя поначалу, но люди привыкают ко всему, так и Мангес однажды перестал замечать, как ногти его соскабливают мелкие частички кожи, медленно падающие на стол, на пол, на всё остальное и просто парящие в воздухе.

Жизнь уготовила мистеру Мангесу многое: и службу в армии, и жизнь в чужой и чуждой стране, и не одну смену работы и сферы деятельности, — но всегда он оставался жизнерадостным и молодым душой. И даже несмотря на уже солидный возраст, любил заглядываться на новеньких сотрудниц. «Какие ножки пошли», — говаривал он вслух, не стесняясь быть услышанным хозяйкой ножек. Положение новичка всегда шатко, чем умело пользовался Питер, поэтому девушки, осознавая это, лишь натянуто улыбались и ускоряли шаг, цокая каблуками по коридорам, на стенах которых висели фотографии босса вперемешку с плакатами о единстве.

Старая гвардия фирмы состояла из таких же, как Мангес, проверенных временем людей и составляла ее костяк. Но старая гвардия на то и старая, что время ее неумолимо истекало, и требовалась свежая кровь. Конечно, на опустевшие места приходили новые люди, но мысли их были где-то далеко, их больше не волновала некая великая цель, которая когда-то давно, еще на заре молодости, родилась в голове босса. И потому этот еще совсем недавно живой организм стал погибать, отмирая кусками.

Мангес чувствовал отчасти ответственность за это. Когда работы у него особо не было, а в одинокой камерке его становилось вовсе тихо, он, взяв небольшой чемоданчик с инструментами, ходил от одного кабинета к другому, предлагая помощь.

— Давай помогу, — и Питер подскочил к крепкому парню, тащившему тяжелую коробку.

— Не надо, я сам, — отрезал парень, но Мангес всё равно подставил руку под угол коробки, не облегчив ее ни на грамм, но загородив обзор.

— Ну, ладно, дальше ты сам, — пройдя не больше десятка шагов, сказал Питер и скрылся в одном из кабинетов.

— Вы что-то хотели, мистер Мангес? — спросил, оторвавшись от монитора, «пиджак», как их язвительно называл Питер. — С электричеством у нас всё в порядке, — словно предугадывая желания Мангеса, заявил он.

— Я всё же посмотрю, вдруг что, — сказал Питер и встал за плечо «пиджака», который лишь тяжело вздохнул и сомкнул зубы.

«Хырр, хырр», — почесался Мангес, и «пиджак» крепко сжал в кулаке ручку.

— Слушайте, сделайте нам в том углу розетку, — вдруг попросил «пиджак», указав в дальний угол кабинета, — давно хотим поставить там... — «пиджак» задумался на пару мгновений.

— Наверное, аквариум? — догадался Питер, поглаживая свою голову по затылку, с которого медленно падали крохотные частички кожи.

— Почему аквариум? Зачем аквариум? — пытаюсь понять, сдвинул брови «пиджак», смотря куда-то в воздух. — А хотя вы правы, аквариум. Точно! Сделаете?

— Конечно! Я знал, что он вам нужен, большой такой, с аэрацией и подсветкой, — отозвался Питер и проследовал с чемоданчиком в указанный угол.

Субботним зимним утром, когда любой психически здоровый человек еще спит в теплой постели, мистер Мангес, облаченный в спортивный костюм, стоял возле сугроба и важно рассматривал спящую молодежь.

— Сколько лет, сколько зим! — увидел Питер знакомую коллегу средних лет, с которой они были не то чтобы приятели, но мистер Мангес, вероятно, так считал. — Дай обниму!

Женщина криво улыбнулась и выскользнула из распахнутых объятий, как из лап хищника. «Сорвалась», — подумал он.

На морозе кожа его становилась еще суше прежнего, вызывая нестерпимое желание содрать ее ногтями. «Хырр, хырр, хырр». Мангес, наверное, никуда бы и не пошел в тот день, оставшись дома наедине с чем-то горячим или горячительным, но желание босса было для Питера почти что законом. Потому сегодня он и его сослуживцы толпились на заснеженной поляне, нацепив выданные лыжи. Это называлось мероприятием для укрепления единства, к которому так стремился босс. Босс ходил важный и покрасневшийся то ли от мороза, то ли от содержимого любимого графина. «Почему он выбрал именно меня? — думал Мангес. — Наверное, он считает меня ценным сотрудником. Абы кому такую важную миссию не поручат. Всё-таки не каждого делают разносчиком спор единства». И, заметив проходящую мимо девушку, Мангес почесал неприкрытый шапкой затылок, с которого легко оторвались и полетели вслед за девушкой белые, как окружающий снег, споры.

— Эх, Мэри, приятный ты человек. Вот если бы я был лет на десять помладше... — мечтательно произнес вдогонку девушке Питер.

Девушка удивленно обернулась.

— То вы были бы ровесником моего папы, — процедила она и вдохнула белые частички.

«Еще одна попалась», — подумал Мангес, хитро щурясь, видя, как споры прорастают в ее глазах огоньком заинтересованности.

На плечо мистера Мангеса легла чья-то нелегкая рука. Питер вздрогнул.

— Питер, отойдем на минутку, — послышался знакомый голос босса.

Босс развернулся и пошел в сторону.

— Фух, вы меня напугали, — Мангес семенил по снегу, как маленькая собачка. — Видели, как я ее?

— Да... — босс оставлял глубокие следы, будто был намного тяжелее других. — Думаю, нам пора с тобой попрощаться.

— Что? Почему?!

— Пенсия. Слышал о таком?

— Но как же? Я же... Я же всё сделал! — запричитал Мангес и остановился.

— Вот видишь. Ты и сам понимаешь, что миссия твоя окончена, — босс безразлично глянул на него.

Мистер Мангес скривился, ощутив во всём теле зуд, какого прежде не знал. «Хырр, хырр», — пытался Питер избавиться от него, стараясь в то же время осознать происходящее, но это не помогало. Каждая новая оторвавшаяся частичка поднималась вверх и кружила вокруг. Рой частичек разрастался, пока не скрыл Питера Мангеса от взора любого, кто был там тогда.

Толпа наблюдала за кружащимся белым вихрем похожих на снег спор. Воздух был так чист и свеж, что каждый находящийся там делал вновь и вновь вдох полной грудью, увлекая в себя белые частички и блаженно улыбаясь, пока, наконец, вихрь не растворился в пространстве, унеся с собой даже воспоминание о милейшей души человеке мистере Питере Мангесе.

— Что для нас самое главное? — громко спрашивал толпу босс, никогда не являвшийся ее частью.

Толпа, ни капли не раздумывая, хором кричала в ответ: «Единство!»

Часть меня

Я боюсь. До дрожи. До безумия. До онемения конечностей. До ноющей, пульсирующей боли. До ночных кошмаров и влажных от пота простыней. Боюсь ошибиться. Боюсь снова потерять. Лишиться чего-то очень важного для меня. Части самого себя. Одной из немногих оставшихся, чтобы размениваться на невесть кого.

Я чувствую. Что хожу у края. Или уже на краю. Что в этот раз могу потерять всё. Или получить, наконец, всё, о чем мечтал. Чувствую это телом. Буквально. Грозовой разряд пронзает мои нервы, чтобы я дернулся во сне, будто оступился и повалился ничком.

Я знаю. Я абсолютно убежден. Она где-то рядом. Ходит так же, как я, и ищет свой последний шанс. Главное, теперь принять верное решение: не выбрать ту, кто лишь заберет часть меня и уйдет прочь.

Я должен. Признаться себе — хотя бы себе, — что мне это нужно. Как воздух. Как живительная влага. Как защита от бури. Я должен найти. Должен собрать последние силы и волю в кулак и совершить решающий бросок.

Я хочу... Любить!

Раз.

Что-то делать впервые всегда тяжело. И очень волнительно. Кочки то и дело вырастают на пути, чтобы ты со всем чувством мог о них запнуться. Любое дело, любое занятие, которое кажется потом, по прошествии времени элементарным, сначала представляет собой некий сложный алгоритм со множеством ответвлений. В первый раз я даже не особо-то и понял, что он был первым. Только когда всё закончилось, и она ушла, прихватив часть меня, в голове сработал запоздалый звонок: «Поздравляем! Динь-дилинь-динь-дилинь! Вы стали обладателем любви!»

— Черт! — подумал я тогда. — Так это она была? А что так мало? А что так быстро? А что так больно?

— Не волнуйся, будет еще, — сказал кто-то добренький, положив мне руку на плечо.

— То есть будет снова так же невыносимо?! — возмутился я.

— И не раз, — и кто-то добренький улыбнулся мне лукаво.

Чертов садист.

— Почему же тогда я еще думаю о ней?

— Потому что в голове твоей пусто. А мысли, как газ, заполняют весь предоставленный им объем. Даже если мысль всего одна, — он не переставал улыбаться.

Садист-философ.

— Ничего, ничего, вот я вырасту...

— Вырасти, вырасти, — сказал кто-то добренький и пропал.

Что остается в первый раз? Образ. Картинка. Карандашный набросок. Но время есть самая великая зараза во Вселенной: стирает всё, до чего может дотянуться. Фших — и в памяти осталось только лицо. Фших-фших — и даже лица там не осталось. Лишь глаза. Смотрят на меня эти глаза, не моргая. «Помнишь?» — как бы говорят. «Помню?» — думаю я.

Так это обычно и случается впервые. Она просто ушла, а я не досчитался пары зубов, благо они были молочные, и кусочка уха. Жаль, что и оно не было молочным.

И да, садист был прав.

Два.

Мне кажется, я не успел подготовиться должным образом.

— Можно не сейчас? — пытался я оттянуть пытку. — Мне еще кое-что доделать нужно, не хочу отвлекаться. Вот доделаю, и потом кааак...

— Надо, — сказал кто-то добренький, — она ведь не может ждать.

— Очень не вовремя. И куда это она торопится?

— Ее не много осталось, — кто-то добренький совсем не улыбался.

— Уже? Так рано? Ну... Ну, хорошо, — нехотя согласился я.

Вот чуял я, не стоит идти на поводу у странных существей. Зато тогда я понял, для чего мне сердце. Да чтобы тарабанить в ее дверь вместо нерешительных рук. А чтобы ноги не дали деру, кто-то добренький трамбовал их пушистой ватой. Любое слово *ее* ножом вонзалось в мысли, которые катались на карусели, вновь и вновь проплывая в сознании.

— Йухууу! — плыла мысль. — А вот и я! Скучал?

— Да еще как-то не успел. Недавно ведь была.

— Так я же «о ней»! Хочешь, появятся другие, которые «о неудачах» и «об одиночестве»?

— Слушай, они мне поднадоели порядком. Давай без них...

— А вот и мы!

— Черт! — начал я злиться. — Проваливайте!

— Нетушки, мы теперь с тобой надооолго, даже когда эта, — тут они кивнули в сторону мысли «о ней», — совсем пропадет.

— А не хотите оптом? Чтобы два раза не вставать.

Нет, не хотели. И не давали спать. Опускали мои руки. Тянули вниз. Мешали идти. И я почти не ел. Однако изнутри с наслаждением ели меня. И кто-то добренький не сводил глаз. Садист-естествоиспытатель.

— Тоскуешь? — спрашивает.

— Тоскую, — отвечаю.

— Она тоже, — говорит.

— Незаметно, — сомневаюсь.

— Так не по тебе же, — и смотрит на меня с прищуром, и хохочет затем.

— Не будь ты не пойми кем, давно бы уже вмазал! — рявкнул я.

— Да ухожу я, ухожу, — сказал кто-то добренький, — не забудь отдать причитающееся.

А причиталось ей по списку: отрез желудка, почка левая, селезенка и остальное по мелочи. Всего и не упомнишь. Словом, прошлась по органам.

И там, внутри, стало вдруг так пусто-пусто.

Три.

Ты думаешь — да нет, ты почти уверен, — что знаешь, как всё будет. Аж зубы мудрости прорезались. Ты построил в голове неприступную крепость, замок мечты. И его не сможет разрушить ни детская мимолетность, ни юношеский максимализм. Ты готов.

— Нападай! — кричу, потрясая мечом.

— Тише, — отвечает она ласково, — не шуми. Пирожков хочешь?

А вы знали, что пирожки, приготовленные заботливыми руками, сильнее любого меча, кто бы и из какого металла его ни выковал? С тех самых пор знаю и я.

И бури улеглись. И стало тихо и спокойно. И сказанное мной слушала она внимательно. И не спорила.

— Доволен? — спросил кто-то добренький с укором.

— Угу, — кивнул я, откусив пирожок.

— И всё, что ты хотел, теперь в твоих руках?

Да ты не садист. Ты сволочь.

— Что ты пристал?

— Мечты должны сбываться. А твоя еще не сбылась.

— Зачем? Зачем им сбываться? Живут же люди.

— Не живут. Существуют, — и кто-то добренький провел рукой по моей голове, оставив в своей ладони прядь слабых волос.

— Видишь? — спросил он.

— Вижу, — выдохнул я тяжело.

Аромат жареного теста обволакивал мысли и, казалось, тело, будто она завернула меня в один из своих пирожков. И как же в нем было тепло и приятно.

— Хочешь? — спросила она, очутившись рядом, держа поднос.

— Да погоди ты, — пытался я выбраться из липкой оболочки, — тьфу, пересолила в этот раз. Мне нужно кое-что спросить.

Она стояла и внимательно слушала, пока я набирался храбрости.

— Ты... ты меня любишь? — выпалил я. — Любишь ведь, да?

Она улыбнулась. Ласково так, по-матерински. И протянула мне поднос.

— Хочешь пирожок?

И понял я, что крепость строил из песка. Потому превратилась в пыль, стоило подступить к ней с чем-то покрепче незрелых грез.

И пока я летел вниз с осыпающейся вершины, успел растерять остатки волос и зубы бестолковой мудрости. Последние долго еще напоминали о себе кровотокающими ранами.

Ультимо.

Кажется, ураган, в центре которого я нахожусь, готов растерзать меня на куски. Но что-то сдерживает его, не давая сузиться. Помнится, у этого урагана раньше было имя. Сейчас же он кричит, завывая и швыряя в меня всё, что попадет на пути.

Даже забавно, что слово «ураган» мужского рода, хотя именно я был спокоен и безмятежен. Точно так было спокойно и безмятежно озеро, гладь которого когда-то отразила незнакомый силуэт. Легкая рябь заволновала воду, и я поднял голову.

Наверное, я тогда ослеп от яркого блика, и эта белесая пелена не сходила с моих глаз. Не видя истинного облика, я создавал образ в своем разуме по обрывкам слов и ощущений. Прокручивая этот фарш в голове, я думал, что он и есть истина. Но истиной от него и не пахло. Лишь резкими специями ее лжи и моего самообмана.

Говорят, герой должен меняться. Но я не герой, я человек. А люди не меняются. Меняется лишь наше отношение к ним. И их отношение к нам.

Помню, кто-то добренький сказал мне в начале: «Цени и береги».

«Ага-ага, — закивал я, — разберусь».

И я ценил. И я берёг. Держал в руках и любовался. И прижимал к себе, что есть силы. Да так крепко, что однажды она не выдержала. Хрупким фарфором разбилась вдребезги. И от моего бывшего спокойствия не осталось следа. Склонившись, пытался я собрать осколки, рая руки и пачкая одежду кровью.

— Что смотришь, гад? Помоги! — кричал я кому-то добренькому.

— Я бы с радостью, но не могу, — пожал он плечами, скривив лицо от досады. — Не могу я, пойми.

Собрать осколки трудно. Сложить воедино — невозможно. Еще не веря в это, я держал их и умолял кого-то добренького. Но он лишь становился мрачнее.

Ураган стал сужаться. Воздуха всё меньше, и я хватаю его остатки жадным ртом, но ничего не выходит. Еще чуть-чуть и меня унесет поток, ломая кости. Он уже меня несет. Осталось лишь прикусить язык и зажмуриться.

А что теперь? Я лежу на незастеленной кровати, открыв рот. Смотрю глазом вверх, в одинокий потолок, и шупаю остатками языка овдовевшие десны. Это сводит с ума. Язык пыта-

ется найти то, что еще недавно было тут, но чего уже нет и не будет. Веки усиленно моргают, чтобы сделать замыленную картинку четче, но это бессмысленно: оставшийся глаз всегда видел хуже. Подняться я не могу. И больше не хочу. Я не чувствую ничего: ни рук, ни ног, ни сердца. Словно кто-то сел на меня сверху тяжелой задницей, пригвоздив к матрасу, и не дает встать. Наверное, я бы сейчас закричал, но связки мои не издают никаких звуков. А, может, я просто не слышу свой крик?

И кто-то добренький стоит рядом и утирает слезу.

Наказание для Королевы

Победным шагом ступал Судья вниз по широкой каменной лестнице. Люди в страхе расступались перед ним, отводя взгляды от его внимательных глаз. Черная мантия волочилась следом, не давая толпе сомкнуться сразу за плечами. До ушей лишь доносился опасливый шепот: «...целых три! Три для Королевы!» Отчего губы на его непроницаемо серьезном лице дернулись в легкой улыбке.

Теперь его боялись все: и распоследние крестьяне, и высшие вельможи. Как же упоительно было это ощущать. Ведь он тот, кто осмелился совершить нечто невообразимое: вынести приговор не абы кому — самой Королеве! Что там говорить, теперь и она будет бояться его пуще страшного суда. А если он может управлять помазанником бога на земле, то, представьте на мгновение, он и есть бог?

— Подумать только, три для Королевы! — восклицали одни чуть поодаль.

— Немыслимо! — отвечали другие. — Целых три! Не шибко ли?

А всего неделю назад он сидел, подставив ладонь под зевающую челюсть, и рассматривал цапаины на большом дубовом столе.

— Кто там следующий?

— Господин-с Судья-с, — начал офицер при входе, — вор-с.

Офицер пихнул вперед тщедушного мужичонку.

— Ворс? — нахмурился Судья.

— Так-с точно-с! — бодро рапортовал офицер. — Вор-с украл-с у-с старушки-с...

— Что-что он украл? Ус старушки? — Судья оживился от удивления.

— Никак-с нет-с. Украл-с он-с флягу-с спирту-с, — окончил речь офицер.

— Флягус спиртус? — изумился Судья. — Это что, заклинание какое? Говорил я тебе, заканчивай ты со своими сыканьями. Ни черта не понять же!

— Постараюсь, — офицер побагровел и тихо выдавил, — с.

В центре зала стоял мужичонка, переминаясь с ноги на ногу и теребя истрепанные рукава.

— Не я это, — пытался оправдаться мужичонка, — вот вам крест, что не я, — и он стал сбивчиво прикладывать руку то ко лбу, то к плечам.

— Цыц-с! — рявкнул офицер у входа.

И разом повисла гробовая тишина.

— Что ж. Тут всё очевидно. Да и без тебя забот полно. — Судья глянул на преступника. — Властью, данной мне Королевой, а ей богом, повелеваю: за незаконное изъятие чего-то там назначаю тебе наказание в виде отсечения с помощью наточенного лезвия, закрепленного на рукояти, кисти левой руки.

— Ась? — мужичонка шурился, словно пытался понять сказанное глазами.

— Руку-с тебе-с отрубят-с, — отчеканил офицер, — левую-с.

Мужичонка упал на колени.

— Ваша милость! Ваша светлость! Ваша... — мужичонка запнулся, стараясь придумать новый эпитет, а Судья выжидающе смотрел на него, — свежесть! Пощадите! Ведь у меня и так слева обрубок уже.

— Да? — Судья удивленно вскинул брови, изучая доказательство. — И правда. Ну, что ж. На «нет», как говорится, и суда нет, — деревянный молоток взлетел в воздух.

Мужичонка облегченно вздохнул.

— Отсечь ему правую кисть, — и молоток ударился о стол.

— Да что ты такой непонятливый, — сально скалился священник в красной шапочке, — сколько у тебя цыплят?

— Так, ну, — задумался человек в серой рубахе и потертых лаптях, — вот в загоне они...

— Что ты лопочешь? Сколько их, я тебя спрашиваю?

— Ну, эта, — человек стал загибать пальцы.

— Ты считать-то умеешь? — злился священник. — Вот, смотри! У меня всё записано. У тебя ровно сто цыплят.

— Помилуй, это када было-то? — запричитал человек. — Это ж яще вясной было.

— Весной, осенью, какая разница!

— Как какая, батюшка! Осьмушки-то уж той жа вясной не стало, слабенькие были, а второй осьмушки летом. А третья осьмушка вот давеча преставилась. Эт жа всем известно: вясной цыплят больше, осенью меньше.

— Ты мне мозги-то не пудри! — возмутился священник. — Видишь запись? «Цыплят сто штук». Значится, десятинна будет, десятинна будет...

— Пять? — догадался человек.

— В лоб те дать! Ровно десять. Плюс налог на сбор... — священник наклонил голову поближе к большой амбарной книге.

— Как налог? У меня забирають, еще и налог мне платить? — человек развел руки в разные стороны.

— Ну, не мне же! Конечно, тебе. Итого с налогом пятнадцать штук. Выдавай, — священник открыл ящик.

Человек опечаленно вздохнул.

— Да кого ты мне даешь? Этих щуплых себе оставляй. А мне пожирнее, пожирнее давай! ***

Солдат на привале не знал отдыха от мыслей.

«Чтоб его медведь задрал, — думал он, — сколько можно изгаляться».

Солдат презрительной украдкой глянул на командира.

«Тут и лес недалеко. Где ж медведь-то? — солдат огляделся. — Да хоть бы медвежонок. Этому бы хватило в штаны наделать».

Он натянул лыбу. Командир повернулся.

«Черт! Знает же когда. Задницей чувствует, что ли, — нахмурился солдат. — Отьел на харчах-то командирских. Вот я бы, вот я бы таким не был. Думал бы о брате-солдате, а не о брюхе и теплом месте... Да не гонял бы нас спозаранку. А то какой из солдата солдат, коли он выспаться не может».

Солдат сладко зевнул.

«И жрать охота постоянно. Зато этот сытый. Гад, — живот заурчал в поддержку. — А главное, жрет и жрет, жрет и жрет. Даже сейчас, кажись, жрет».

— Пехота, подьееем! — заорал на всю округу командир.

Солдат нехотя встал, как и остальные.

— Стройся! — продолжил орать командир.

Командир оглядел строй и вцепился взглядом в солдата.

— Ты! — указал командир на него. — Шаг вперед!

Солдат вздрогнул, но сделал шаг.

— Сколько ты у нас?

— Девятый... нет, десятый год, — нерешительно ответил солдат.

— Лаадно, — поморщился командир и снова рявкнул, — Пехота! На следующую неделю вы все под командованием этого, — он показал на вышедшего вперед, — Кто ослушается его — ослушается меня! Я отбываю в распоряжение его святейшества. И чтобы тихо тут!

Строй переглянулся и уставился на солдата.

«Так что? Я теперь командир, что ли? — заулыбался счастливец и вдруг помрачнел. — Ну, я им задам, лежебокам. Вставать будут, петухи еще не проснулись! И кормежку надо убавить. Голодный волк быстрее бежит».

«Какой прекрасный погожий денек, — подумалось Судье, — и продуктивный. Надеюсь, все остались довольны».

В этот момент он расплылся в улыбке.

«Но размаха не хватает. Что это: отрубленные руки да головы всяким нищим? Мелко это для меня, мелко», — Судья осмотрелся, щурясь от солнца, и шагнул со ступени.

На улице было необычайно многолюдно. Народ не сновал туда-сюда, а будто замер в ожидании. Судья, не желая пачкать мантию о простолюдинов, сторонился их и обходил поодаль, пока нечто возмутительное не привлекло его слух.

— И судью на мыло! — донеслось до него.

— Да-да! Из него много мыла получится! — поддакивал кто-то.

— Не скажи, — раздался бас, — из священника больше выйдет.

— И священника тоже! — заорала толпа.

Судья остановился, в изумлении открыв рот.

«Бежать быстрее, куда глаза глядят», — подумал бы любой другой на его месте.

«Вот и мой шанс», — подумал Судья и влился в толпу.

Толпа гудела.

— Безобразие! — раздавалось то тут, то там.

— Доколе! — отвечало эхом.

— А кто в этом виноват? — шепнул Судья на ухо самому горластому.

— А кто виноват? — закричал горластый.

— Королева? — шепнул Судья вновь.

— Точно! Это Королева во всем виновата! — закричал горластый. — С нее надо спрашивать!

Толпа одобрительно кричала.

— Что там за шум? — возмутилась Королева. — Сколько раз твердить, чтобы никто не смел меня тревожить!

— Ваше высочество, — стоявший рядом слуга согнулся пополам, — покорнейше прошу меня простить. Народ бунтует, — слуга показал в сторону окна балкона.

— И что же им надо? — удивилась Королева. — Я ведь всё для них и ради них. Неблагодарные! — она нахмурила брови. — Посмотри, какие на мне шелка. Думаешь они мне нужны?

Слуга опустил взгляд в пол.

— Нет! Это всё для них! Чтобы королевское тело не знало жары и зуда и не отвлекало королевский ум от дум о народе. А эти духи тончайшего аромата, думаешь, мне нужны?

Слуга пожал плечами.

— Не будь идиотом! — повысила она голос. — Мне они без надобности. Это тоже для них: чтобы о моем приближении знали заранее и успели подготовиться. А деликатесы эти на блюдах, они мне нужны, что ли?

Слуга проглотил слюну.

— Да мне эти вот омары с ананасами осточертели уже! Это ведь всё ради народа, чтобы Королева ваша жила дольше и дольше могла править разумно и справедливо.

Слуга кивнул.

— Надоел ты мне! Ступай, — скривила лицо Королева, — и этим бездельникам внизу скажи, чтоб проваливали. А я пока полежу, подумаю о народе.

— Многоуважаемый народ! — вдруг начал речь Судья.

— А, это ты! Это же он! На мыло его! — кричали из толпы.

— На мыло можно, но потом. Дайте сказать, — продолжил Судья, и толпа притихла, — я понимаю и, прошу заметить, — тут он сделал многозначительную паузу и посмотрел по сторонам, — разделяю ваше негодование. Да! Сколько можно терпеть эту тиранию? Скажите мне, сколько? Простой народ страдает от поборов...

— Да! — завопила толпа.

— ...простой народ страдает от несправедливости...

— Да!

— Но если наш мудрый народ позволит, то я подскажу выход, — услужливо-приторно улыбался Судья.

— Пусть говорит! — выкрикнул горластый, и воцарилась тишина.

— Чтобы наша родина не погрузилась в разруху и анархию... Ведь никто не хочет разрухи и анархии? — Судья обратился к толпе, толпа понимающе молчала. — Так вот. Королеву нужно судить! По закону!

— Разве ж есть такой закон судить Королеву? — усомнился кто-то.

— Закон один для всех! — Судья поднял указательный палец вверх. — И поверьте мне, суд этот будет по всей строгости и справедливости.

— Ура! — ликовала толпа.

Судья строго посмотрел в центр зала, вдоль стен которого равномерно размазалась толпа.

— Вам есть что сказать?

— Есть! — топнула ногой Королева. — Где моя армия, когда она так нужна?

— Пьяные-с, — заметил офицер у входа, — в усмерть-с. Командир-с разгильдяй-с.

— Вы признаете свою вину? — спросил Судья.

— Нет!

— Этим вы только ухудшаете свое положение.

Судья догадывался, да нет, опыт и логика ему абсолютно точно давали понять, что следующий после Королевы — он сам. А он в центре зала ну никак не хотел оказаться. В конце концов, судейство ведь никому нельзя доверить, кроме себя.

— Я Королева! Меня нельзя судить!

— Но народ же судить можно. Неужели вы считаете, что лучше этих достопочтенных людей? — Судья показал жестом на присутствующую толпу.

Королева презрительно фыркнула.

— Конечно! — отсекла она.

Толпа неодобрительно загудела.

«Что ж ты, дура, делаешь, — подумал Судья, — на одном суку же повесят».

— Королева, поймите, — тут Судья наклонился вперед, смотря точно ей в глаза, — ваше искреннее раскаяние уменьшит наказание.

Королева напыщенно молчала.

«Ой, дура», — пронеслось у него в голове.

— Я повторю. Раскаяние уменьшит наказание.

Толпа зашептала. Судья сглотнул.

— Конечно, если наш мудрый народ позволит.

Толпа довольно заулыбалась.

«Народ-то под стать, — еле сдержал ухмылку Судья. — Но ситуацию надо спасти».

— Что ж. Ответьте, подсудимая, вас ли называют кормилицей и защитницей?

Королева подняла брови.

— Меня. Кого ж еще.

— Хорошо. Вам ли власть дана богом?

— Да! Мне!

— И только бог может это изменить? — продолжал задавать вопросы Судья.

— Конечно!

— И бог разгневется, если противиться его воле? — Судья перевел взгляд на стоявшего среди толпы священника. — Скажите, священник, разгневется ли бог?

— Разгневется, — погладил себя по пузу священник, — ой, как разгневется.

«Хоть этот не дурак», — подумал Судья.

Толпа заохала.

— И нашьлет кары небесные? Болезни, голод?

— Нашлет всемогущий, точно нашлет, — кивал священник.

«Как врет-то залиvisto. Неужто сам верит? Иль всё же дурак?»

Толпа зашумела.

— Тихо! — постучал Судья молотком по столу. — Тихо!

Судья замолчал. Толпа тоже.

— Итак, на основании вышесказанного с учетом вины подсудимой и ее заслуг и титулов, ее значения для общества и королевства, но принимая во внимание сказанное свидетелем, а также неоспоримые факты и неумолимые последствия, которые могут затронуть каждого, кроме того, важность нашей веры и следования ее заветам, нарушение которых может привести к фатальным изменениям, властью, данной мне подсудимой, а ей богом, в которого мы все верим со всей силой и почтением, повелеваю привести в исполнение с отсрочкой или без следующее наказание...

Судья запнулся и вновь провел глазами по безмолвствующей толпе. Чеканя каждое слово, наполняя зал своим голосом, он, наконец, произнес.

— Три! Долгих! Суровых! Испепеляющих!

Толпа ахнула.

И уже тише добавил: «Взгляда».

Судья выдохнул. Толпа оробела.

— Целых три, — шепот прокатился по залу, — целых три для Королевы!

Меня зовут Арти!

Люди пахнут хорошо. По-разному, но в целом хорошо. Человек из лавки пахнет сдобным тестом и мукой. Человек в грязной спецовке пахнет по́том и надеждами на будущее. От маленьких людей исходит аромат молока и печенья. Но больше всего мне нравится, как пахнет одна одинокая старушка, миссис Эйнсам: всегда чем-то вкусным, что приносит для меня и других таких же потеряшек. А еще она пахнет заботой. И этот запах я могу учуять и из соседнего двора. Так уж работает мой нос.

Как я оказался здесь, не столь важно. К сожалению или к счастью, я этого не помню. Видимо, я был совсем еще мал, чтобы что-то понимать. Чтобы осознавать, кто я и для чего живу. Но теперь я знаю. Я чувствую это.

И вот я чувствую, что она вышла из своего старенького домика, и несусь к ней со всех ног.

— Здравствуйте, миссис Эйнсам! — кричу я ей еще издалека, что есть мочи.

— Здравствуй, Арти! — отвечает она мне с улыбкой. — Соскучился?

— Соскучился! Соскучился! — радостно прыгаю я вокруг нее.

— А я тебе вкусненькое принесла, — она копается в затертом пакете и что-то достает. — Вот, держи!

И я начинаю жадно уплетать принесенное.

Эта картина повторялась после каждого восхода солнца. Иногда миссис Эйнсам спрашивала, где тот или другой потеряшка. Но ответ мой ей был не нужен. Вообще мне казалось, что она и так всё знала, поэтому просто рассказывала мне что-нибудь, а я хоть и старался слушать, но не мог всё запомнить. Дурацкие висячие уши. Думаю, именно в них была причина моей невнимательности.

Помню, что дети ее, повзрослев, давным-давно уехали, оставив наедине со своими мыслями. Помню, что работала она всю свою жизнь кем-то, кто заботился о других. Вот и теперь она по привычке заботилась обо мне. Мне кажется, в этом она находила свою радость, как я находил радость в ароматной сосиске, сочащейся жиром.

— Знаешь, Арти, хорошо, что ты есть, — сказала она мне однажды.

И я внимательно посмотрел на нее.

— Спасибо тебе, — продолжила старушка.

Я не понимал, за что она меня благодарит. Сосиски-то были ее. Миссис Эйнсам положила свою руку на мою кудрявую голову и стала поглаживать.

Кстати! Ведь именно она так назвала меня — Арти. Сам-то я себя никак не называл. Это мне было без надобности. Раньше мне просто говорили «пшел отсюда» и давали пинком под зад. И я скуля уносился прочь. А она первая, да и, честно говоря, одна из немногих, кто повел себя иначе.

Да, мы называли себя потеряшками. Хотя, если положить лапу на сердце, мы были не потеряшки, а самые настоящие брошенки. Признайтесь, быть покинутым — а значит, и преданным — очень обидно. Звание потеряшки же давало надежду, что раз нас потеряли, то когда-нибудь обязательно найдут. Пусть это будут другие, но они найдут.

Скажете, глупо? Может быть. Но такова уж жизнь: она строится на глупостях.

И так бы наше потерянное существование и текло от пинка к сосиске. Но однажды к нам во двор пришел он — Большой П, как называла его миссис Эйнсам, или просто БП. Что там было в этом П, я не знал. Может, просто «парень» или какое другое слово. Может, даже грубое и непристойное.

Хотя, как по мне, его стоило называть Жуткий, Огромный, Агрессивный П. Во всяком случае, слово, состоящее из этих букв ему явно подходило больше.

Нормального — человеческого — имени у него не было, поэтому он взял себе его сам — Аарр. Или же так его называли отец и мать. И было что-то в этом имени грозное и свирепое, что скрывалось глубоко внутри.

Людей он сторонился. То ли недолюбливал, то ли откровенно ненавидел. На их приближение только рычал и скалился, но и желающих приблизиться было крайне мало. Даже Эйнсам, любящая потеряшек всем сердцем, явно опасалась его.

— Не дружи с этим БП, — говорила она мне. — Чувствую, будет с ним беда.

Да я и не собирался, миссис Эйнсам! Даю хвост на отсечение! Но как-то раз БП сам подошел ко мне. Холодок пробежал у меня по спине, и я сжался в комок шерсти.

— Ты! Как тебя? — спросил он басом.

— Меня? — я огляделся по сторонам.

— Тебя, пискля. Имя твое как?

— Ар... Арти.

— Что это? Что это за имя? — он оскалился и рыкнул. — Это рррабское имя! Тебе дала его та старуха, да? Возле которой ты вечно ошиваешься.

Он обошел меня кругом.

— Аррррти, — рычал он, — нет. Мы не будем их рррабами. Аррти... Так не могут звать того, кто родился на воле! Я дам тебе ддрругое имя.

Он глянул на меня сверху вниз.

— У тебя есть особенность, пискля? — он снова недовольно рыкнул. — Хотя какие у такого могут быть особенности.

Он еще сильнее помрачнел.

— Теперрь ты — Тяв, — отрезал БП, — как звучит твой никчемный лай. Не благодарри.

Моего друга по несчастью, Джеки, маленького, вертлявого потеряшку, он и вовсе обозвал Иивом. Знаете, этот звук «иив» больше походил на нечто среднее между икотой и попыткой щенка первый раз залаять. Да, кстати, я совсем забыл вам рассказать, что у меня был друг. Он был совсем хилый, хотя, возможно, таким его и задумала природа или некий другой создатель. Бывало, в разгар ненастья, когда холодные капли с неба больно щелкали по носу, мы прятались под лестницей какого-нибудь дома и там, бок о бок, смотрели на взрывы брызг на поверхности луж, трясясь и еще больше прижимаясь во время раскатов грома. Если бы я точно не знал обратное, я бы думал, что Джеки — мой брат.

По-братски мы делили всё, что нам доставалось: сосиски Эйнсам и пинки остальных. Больше делить нам было нечего.

— О чем ты мечтаешь? — спросил я однажды у него.

— О большой-пребольшой сосиске, которую мы все могли бы жевать неделю, не меньше! — Джеки зажмурился от приятного предчувствия. — А ты о чем?

— А я мечтаю стать одним из них, — кивнул я в сторону проходящих людей. — Только тссс! Никому не говори. Это мой секрет.

Шло время. БП, словно звезда, притягивающая планеты, собирал вокруг себя всё больше и больше потеряшек, каждому давая новое прозвище. Перемалывал и переламывал их натуры вместе с их старыми именами. Так Айки и Рексы становились Авами и Ррыками. Парочку потеряшек покрупнее он держал поближе к себе, остальные же выполняли его мелкие распоряжения, а еще были его ушами и глазами. Так все мы волей-неволей становились частью одной банды, спутниками системы Аарр. Только кто-то был в ее центре, кто-то, как Джеки, летал на ее задворках, а кто-то, как я, мог вот-вот быть поглощенным жуткой и неведомой силой.

Не знаю почему, но Джеки — хотя теперь он и меня просил звать его Иивом — с радостью выполнял команды БП.

— Ты не понимаешь! — говорил он мне с горящими, словно у щенка, глазами. — Раньше мы были каждый по себе. Нас любой мог обидеть, пнуть. А теперь?

— Что теперь? — спросил я.

— А теперь мы вместе! Мы единое целое! Мы — команда!

— И для чего всё это?

— Как для чего? — удивился Джеки. — Чтобы они нас боялись!

— Они?

— Они! — он рыкнул в сторону проходящего человека, который лишь ухмыльнулся, глянув на пискляво рычащее, тщедушное тельце.

— Но ведь они нас кормят... некоторые из них... — пытался возразить я.

— Нет! — вдруг оскалился Иив. — Мы сами будем решать, когда и сколько нам есть! Мы стали сильнее их!

Отчетливо помню тот день. В воздухе словно взвыла тысячью голосов волчья стая. Люди заметались от дома к дому, бежали куда-то с увесистыми тюками, таща за собой хныкающих человечков. Другие садились в блестящие коробки на колесах, которые с ревом уносились прочь. Потеряшки же забились в щели и углы.

По-моему, солнце даже не успело сдвинуться по небу, а во дворе уже не было ни души. И только волчья стая где-то в вышине продолжала завывать на всю округу.

А я стремглав помчался к любимому старому домику, где жила Эйнсам.

— Ох-ох-ох, Арти, — залепетала старушка, — видишь, что творится? Да? Ой, что творится!

Она всплеснула руками.

— Что же теперь будет! Что с нами будет? — не унималась она.

А как по мне, стало только лучше. Свободнее, что ли. Уже и волчья стая замолкла, окончательно растворившись в воздухе. И наступила полная тишина. Миссис Эйнсам тоже замолчала.

Почему она не уехала, как остальные, осталась здесь? Видимо, ей, как и нам, некуда было бежать.

Она развернула кулек, который держала в руках, и аккуратно подала его мне. В нос ударил аромат жареного мяса.

— Вот и твои друзья, — вдруг улыбнулась Эйнсам, глядя вдаль поверх моей спины.

Я обернулся и увидел БП в окружении стаи. Да, из некогда разрозненных потеряшек Аарр создал настоящую стаю с иерархией и своими законами. Иив тоже был среди них.

Большой П посмотрел прямо мне в глаза и выставил клыки.

— Ну-ка цыц! — вдруг рявкнула Эйнсам. — Всем хватит! Иди сюда.

Она поманила рукой.

— Ну? Чего ты?

Аарр подтолкнул Иива вперед. Тот, семеня ножками, подошел к кульку и, резко выхватив его, побежал назад, к своим. Большой П тут же оттолкнул его и принялся жадно пожирать принесенное, рыча на любого, кто подойдет ближе. Другие просто стояли и ждали.

— Еще, — произнес Аарр, закончив.

Иив подбежал к Эйнсам и начал жалобно поскуливать. Старушка ойкнула и заторопилась в дом. Из дома стал доноситься грохот кухонной мебели и посуды, хлопанье дверей и лязганье ложек.

— Какие же вы голодные, — произнесла Эйнсам, спускаясь по лестнице с большим блюдом наперевес.

Она прошла по двору ближе к стае и поставила блюдо на землю. Свора окружила его и накинулась, будто на жертву.

Какое-то время слышно было лишь довольное чавканье и перерывиванье. И вдруг снова наступила тишина.

— Еще, — прозвучал утробный голос Аарра, разнесшийся раскатом грома по двору.

Миссис Эйнсам охнула, прижав ладони к щекам, и заторопилась к дому. Стая приблизилась, окружила выход, оттеснив меня, и замерла в ожидании.

В этот раз старушки не было очень долго. Но она всё еще что-то делала: об этом говорил доходивший до наших ушей шум. Аарр ходил из стороны в сторону, скалясь и косясь то на дверь, то в мою сторону.

Знаете, потеряшкам нужно, чтобы их гладили. Так мы чувствуем любовь и заботу. А Большого П никто не гладил. Возможно, ни разу в его обозленной жизни. Может, потому он стал таким?

Наконец, дверь небольшого уютного домика отворилась, и Эйнсам вынесла кастрюльку, от которой шел ароматный пар.

— Вы только не обижайтесь, мои хорошие, — виновато заговорила она, — но это всё, что у меня осталось.

Старушка поставила кастрюльку перед всё еще голодной сворой на землю. Аарр наклонил голову.

— Осторожно! Горячо!

Аарр глянул на Эйнсам. Старушка умолкла. Помотав головой, Большой П выхватил из кастрюльки зубами кусок покрупнее и принялся яростно его разжевывать, активно двигая челюстями и широко открывая рот. Его примеру последовали другие.

Но кастрюлька была слишком мала и быстро опустела.

— Еще, — прорычал Аарр.

Старушка развела руками.

— Хорошие мои, у меня нет больше. Все запасы кончились. Я могу попробовать поискать в других домах, — пыталась оправдаться она.

Свора затихла. Напряжение и предчувствие чего-то страшного повисли в воздухе.

Аарр повернулся ко мне вполборота, чтобы я точно слышал его и чтобы видеть мою реакцию.

— Как думаешь, если от нее так вкусно пахнет, может, и она сама вкусная?

Эйнсам стояла в недоумении, словно потерянная.

— Слышите, братья, — обратился Аарр к стае, — этот аромат исходит от нее!

— Бегите, миссис Эйнсам! — вдруг закричал я. — Вставайте на четыре лапы, как все, и бегите! Сбрасывайте свои кожаные нахлобучки и бегите! Ну же!

Но старушка лишь грустно и растерянно улыбалась.

Стая окружила ее плотным кольцом. Миссис Эйнсам виновато села на ступеньку крыльца. Она положила руку рядом и стала водить по ступеньке, будто поглаживая ее.

Первым бросился Аарр. Следом кинулась свора. Эйнсам лишь успела закрыть лицо руками. И хоть мои уши способны слышать шорох в соседнем дворе, голоса ее я больше не слышал. Только жадное пережевыванье и гулкий хруст. Иив бегал вокруг, но всё никак не мог пробраться сквозь своих товарищей. Тогда он обернулся на меня и просто залаял. Нет, он ничего не говорил, это был лишь ничего не значащий, злобный синий лай.

Да, я убежал. Виню ли я себя? Виню. Но до сих пор передо мной стоят глаза Аарра, в которых заплясали языки пламени, а следом один за одним пламя это объяло дома в нашем дворе. Не зря БП боялись: в нем действительно была неведомая сила.

Да, я убежал. Но им меня не настигнуть. Я прошел уже уйму дворов, таких же обгоревших, каким стал и наш. Видимо, Аарр побывал здесь прежде. И ни в одном из них я не встретил

людей. Но я еще помню их запах. И пока у меня есть лапы, нос и уши, я буду искать, загляну в каждый уцелевший дом, чтобы сказать, что я не Тяв.

Меня зовут Арти!

Ни дня без гвоздя!

«Ни дня без гвоздя!»

Эта мысль крепко засела в голове Плотникова. Строить больше и лучше — вот, что он хотел. Вот, о чем он мечтал. Ну, или хотя бы просто больше. Да. Вполне хватило бы одного больше. Застроить своими творениями город и пригород. И область. И страну. Как Семен Королев. Как Агриппин Днепров. Чтобы заметили. Чтобы говорили. Чтобы любили и ненавидели. Но лучше любили, конечно. Лавры великого переработчика леса в деревянные постройки не давали Плотникову покоя. Кому-то хватало и заборчики да сарайчики с собачьими будками ставить, но только не ему.

«Забабахать бы деревянный небоскреб, чтоб из космоса видать!»

— Не выстоит! — критикуют критиканы.

Таким всегда лишь бы покритиковать, а сами и сортира деревенского не сколотили. Да что там! Молотка не держали в руке. Гвоздя не держали во рту, пачкая губы. Не вытаскивали заноз из ладоней. Не били метко по пальцу. Не били метко по пальцу повторно. Не орали на всю округу благим матом.

Плотников на это лишь вздыхал, закатив глаза, и продолжал лупасить по металлическим шляпкам.

— Ни шурупа, ни гвоздя! — поприветствовал Плотникова сосед.

— К черту! — махнул рукой Плотников, то ли ответив на поговорку, то ли отправив в путешествие соседа.

Иван Иванович Столяров, сосед Плотникова, был старой закалки мастер. Никакой спешки. Никакой гонки. У него даже гвозди аккуратно лежали по размеру в специальной коробочке с магнитной подложкой. И он никогда не строил без четкого плана. Почти как Андрэй Берберов, на здания которого засматривался в детстве Плотников. Не вживую, конечно, лишь на блеклых фотокарточках. Андрэй Берберов был недосыгаем. Он воплощал настоящий идеал. Но. Детство проходит. Зато приходит взрослая жизнь, а с ней и новые идеалы.

— Что? Не продумать, как следует, но схватиться за молоток? И что из этого выйдет? — негодовал Столяров. — Ерунда косая и кривая! Вот что! — и он указал инструментом на последнее строение Плотникова.

Иван Иванович не унимался.

— Вот вспомни сам. Что у тебя простояло хотя бы полгода? А? То ветром сдует, то дождем размоет, то птичка сядет, а оно и развалится! Боюсь уже дышать в сторону того, что ты строишь. Вдруг еще на меня упадет?

Плотников злился. С одной стороны, Иван Иванович был прав, и постройки рушились иногда даже сами собой.

— Только лес переводишь! — ворчал сосед.

Но ведь, с другой стороны, строили же Королев и Днепров.

«Раз они смогли, значит, и я смогу!» — решительно проговаривал всякий раз эту мантру Плотников.

Теперь заветное число в две тысячи гвоздей стало его манией. Тогда он встанет на одну ступень с ними, великими.

Строителей средней руки было много. Может, даже слишком. Таких же горячих и спешащих, как Плотников. Часто они объединялись в целые поселки, пестрящие яркими красками, резными вензелями на ставнях, кованой оградой и золотистыми пиками.

Названия улиц звучали столь же прекрасно, какими издали казались дома: Драконья, Невестовая, Ведьминская, Золушковая, Академская, Не-такая-как-всякая, Этому-дам-этому-дам-этому-дамская, Недотроговская и, конечно же, Розовосоплевская.

Но упаси вас Лу Бань облокотиться на ту самую кованую оградку. Прогнила до трухи! Не советую подходить и вплотную к домам. Черная плесень, пробивающаяся сквозь краску, спорами проникает всюду и поражает всё, до чего может дотянуться. Говорят, поражает она даже мозги смотрящих на эти покрытые изнутри гнилью дома. Каждый, кто побывал однажды в таком поселке, после мог лишь бормотать нечто бессвязное, капая слюной на землю.

«Хааааатшууууу ышоооо», «где прадалжэние паселка?», «я так пирижуваю за гэгэ» и прочее, и прочее. Всего и не упомнить. Я и тот еле удержался, но я ведь крепок духом. А вы?

Семен Королев сидел в кожаном кресле и разглядывал свой молоток. Сбитый металл еще поблескивал на свету. Потертая рукоять еще пахла деревом, потом и смолой. Семен провел рукоятью перед носом и глубоко вдохнул, прикрывая глаза. Теплой волной окатывали его воспоминания о первой постройке еще в школе, о том, как в ранней молодости хватался за следующий дом, лишь успев закончить предыдущий, о том, как замахнулся на огромный молл.

— Мистер Королев!

Семен вздрогнул и перевел взгляд на вошедшего.

— Мистер Королев, мы почти закончили первый этаж. Покажите, что строить дальше.

Семен встал, подошел к стене, набрал комбинацию, которую уже стал забывать, и дернул ручку сейфа. Молоток исчез в глубине, прямо за ранними эскизами беседок и крылечек. Тяжелая дверца сейфа закрылась. Кто знает, может, в этот раз навсегда.

Королев любил хвалиться, что вбивает в день по две тысячи гвоздей. Две тысячи. Настоящий гвоздомет в человеческий рост.

Да, это вызывало зависть одних и расстройство других, он знал. Но лишь еще сильнее подогревал внимание к своей персоне.

Семен вышел на улицу. Строительная бригада трудилась в поте лица. Нет, Семен и сам бы мог, конечно, но каждый дом — деньги. Больше домов — больше денег. Да и кто ж захочет всю жизнь махать молотком? Только идиот.

А таким, как Плотников, доверчивым и целеустремленным, Семен просто говорил: «Ни дня без гвоздя!»

Плотников заметно похудел.

— Ты не заболел ли, часом? — беспокоился сосед.

— Уже пять сотен!

— Что пять сотен? Пять сотен чего?

Плотников лишь улыбнулся одним уголком рта и вбил очередной гвоздь.

— Пятьсот один, — пробормотал он.

— Слушай, — сосед подошел поближе, — я что хотел. Мне тут рассказали, — Столяров опустил глаза. — Берберов умер. Я знаю, что тебе это важно.

Плотников уронил молоток.

— Как?

— В своем доме. В том самом, который он построил когда-то сам для себя. Помнишь, небольшой уютный домик.

Плотников мрачно молчал. Всё, что он бережно хранил, его светлые воспоминания, его детство — всё умерло вместе с Андрэем.

Иван Иваныч положил руку на плечо Плотникова.

— Но дома его, построенные десятилетия назад, стоят, почти как новые. Они до сих пор в моей голове. Понимаешь?

Плотников дернул плечом, вырвав его из руки соседа.

— Умер и умер, — выдавил он вдруг. — Он умер, Королев жив. Теперь Королев мой идеал.

— Ты с ума сошел?

— Королев вбивает по две тысячи гвоздей в день! Он настоящий строитель!

— Да в его домах крыши текут, ветер по полу гуляет. Туалеты совмещены с кухнями.

Никакой логики! Никакого уюта!

— Это не имеет значения, если его дома покупают, — упирался Плотников.

Иван Иваныч вздохнул.

— Никто не может вбивать каждый день две тысячи гвоздей. Руки же отсохнут! Ему точно кто-то помогает.

— Нет! Я не верю. Ты глуп! Он великий строитель! И он пришел к этому упорством!

— Из ста гвоздей один всегда вкривь пойдет. Ему просто повезло, — спокойно сказал Столяров. — Нет никакого верного пути, по которому нужно слепо следовать. Пойми.

Глаза Плотникова засверкали, и он, толкнув Иван Иваныча, ушел прочь.

Жилистая рука взяла гвоздь.

Уверенными движениями стальная головка била по шляпке. Сухие, потрескавшиеся губы бормотали числа.

— Тысяча.

Двор вокруг дома погряз в завалах досок и полуготовых конструкций неясного предназначения. Казалось, что некоторые из них хозяин и вовсе не собирался соединять. Так они и лежали, испещренные гвоздями, будто здесь жил не строитель, а йог.

— Полторы.

Мышцы не знали отдыха и монотонно делали свое дело. Путь, который наметил себе строитель, был преодолим. Он уже знал это. Вот-вот и откроется новое дыхание. Еще рывок. Еще гвоздь. Еще, и скоро этот путь закончится.

— Тысяча... девятьсот... девяносто... девять.

Глаза округлились, сердце бешено застучало.

«Вот оно! Последний! — вертелось в голове. — Еще один, и я стану великим!»

Плотников огляделся, но... свободного места в досках уже не было. Вообще нигде, до чего он мог бы дотянуться. На ярком солнце шляпки гвоздей слепили и оттого еще больше мешали найти хоть что-то.

— Ничего, — бормотал Плотников, успокаивая себя, — ничего. Один гвоздь я найду, куда вбить. Я найду...

Он на мгновение задумался, и вдруг его лицо озарило.

Обезумевший Плотников раскосо улыбался, держа двухтысячный гвоздь в левой руке, а уставший молоток в правой.

— Ни дня без гвоздя! — надрывно крикнул он, что есть мочи, что даже сосед испугался. А после приставил гвоздь острием ко лбу и уверенно вбил последнее в своей жизни.

Глаз Линкея

— Не сопи, входи.

Юноша, всё так же не смея поднять глаза и тяжело дыша, сделал пару шагов вперед.

— Мудрейший, вы... я..., — запинаясь юноша.

— К делу! — скомандовал седовласый мужчина.

— Понимаете, я ищу человека...

— Так-так.

— Девушку...

— Уже лучше.

— Но как мне понять... — он снова сбился.

— Не томи.

Юноша вытер пот со лба.

— Как мне понять, какая из них окажется хорошим человеком, — продолжил он, заламывая руки от волнения. — Какая не оставит в беде. Не предаст. Какая будет со мной всегда. Вот смотрю я, вроде девушка добрая, приветливая, а проходит месяц, два, и ее не узнать. И говорит со злобой, и улыбается только самой себе.

Старик лукаво прищурился.

— Ты первый, кто пришел с таким вопросом. Другие приходят, знаешь ли, попросить денег, будто я банк, удачи, карьерного роста, роста волос, роста урожая, красавицу-жену или даже много красавиц. Один вообще захотел всех красавиц мира. Представляешь? — старик закричал. — Люди алчны. Очень алчны. Но ты удивил.

Он встал со своего кресла и подошел к стене, возле которой на полках располагались банки, склянки, амулеты, сушеные фрукты, овощи, сушеная трава, сушеные лягушки и прочее не меньшей степени засушенности. Старик шел мимо всего этого и напряженно нашептывал.

— Так-так-так... где-то тут. Где-то тут... Вот!

Он, наконец, остановился возле жестяной банки.

— Значит, говоришь, смотришь, один человек, а проходит время, и уже другой? — спросил старик.

— Да. Вижу-то я только внешность...

— А хочешь, значит, нутро видеть?

— Хочу.

Старик взял банку и кое-как сдвинул круговым движением поржавевшую крышку.

— Был товарищ у меня один, — задумчиво начал старик. — Охотник удивительный. Стрелой своей любого зверя мог поразить. Зайчику в хвостик. Белке в глазик. Комарику в брюшко. Линкеем звали.

Он посмотрел в банку.

— Глаза его были необычайной остроты. Никто не мог бы от него скрыться. И никто, даже я, его друг, не знал его секрет. Но всё однажды заканчивается. Так же однажды закончилась его жизнь. Неожиданно. В бою. В том бою был и я. Я успел лишь подхватить ослабшее тело друга. И в момент перед самой смертью он всё-таки открыл мне свою тайну. Так вот. Глаза Линкея не просто хорошо видели. Они видели как бы суть вещей. Понимаешь?

Юноша сдвинул брови.

— В прямом смысле, — продолжил он, двигаясь к гостю. — Линкей не имел детей. И потому попросил меня забрать единственное, что у него есть — его дар, чтобы передать другому достойному.

Старик сунул банку юноше. Тот заглянул в нее и ужаснулся: из банки на него смотрело два человеческих глаза.

— Что же... Что же... — ошарашенно мямлил юноша.

— Что же я не взял их себе? Мне не идет этот цвет, — старик ухмыльнулся. — А вот тебе вполне.

— Что? Мне? — юноша схватился за лицо.

— Ты еще раздумываешь?! — рявкнул старик. — Ты смеешь размышлять перед даром богов?!

Старик уверенно толкнул стул к юноше, и молодой человек, как подкошенный, плюхнулся на него.

— Всё пройдет быстро.

— А не больно?

— Больно, конечно, но, — старик взял нож и вытер его о штанину, — но не мне же.

Левой рукой старик крепко схватил неразумную голову и поднес правую с изогнутым ножом к юному лицу.

— Нет! — вскрикнул молодой человек.

Еще мгновение, и он, укусив руку старика и кое-как извернувшись, буквально выпрыгнул из хижины. Ноги несли его, пока исполненный злобой крик старика не стих совсем.

Он остановился. Неподалеку шумел ручей. Юноша пошел на шум и там, набирая воду в руки, чтобы умыть лицо, испугался собственного отражения. Правый глаз был залит кровью в обрамлении проступающего синяка.

«Садист!» — кривился юноша на незнакомца в воде.

Правый глаз давно зажил. И теперь ничто не отличало его от родного, кроме...

Кроме того, что он не видел. Точнее видел, но какую-то ерунду. Вот вроде на пальчике девушки кольцо золотое, камень изумруд, а правый глаз врет, что не кольцо это вовсе, а пыль и грязь. И платье роскошное ее из шелка — рванина и тряпье. Зато платок какой-то древний, словно снятый со старухи и вышитый ею же вензелями, правый глаз видел произведением искусства.

Но черт бы с ним и с кольцом, и с платком. Самое странное, что такие же фокусы глаз вытворял и с людьми. И девушка та прекрасная правым глазом виделась омерзительной каргой с гниющей плотью и черными зубами.

«Брр!» — молодого человека передернуло от этого представления, и он сразу же зажмурился.

Так было везде и всегда. Левым глазом красавицы — правым уродины. И, к сожалению, наоборот. Будто, герой наш сошел с ума или сошел с ума только его правый глаз.

Прошло время. Как и всё сущее, даже самое скверное, глаз стал привычен, и молодой человек умело им пользовался. Он, наконец, понял ценность подарка старика. Да, существовали некоторые неудобства и нередко неловкие моменты, когда дама могла распознать прикрытый глаз за попытку подмигнуть. У всего есть отрицательные стороны.

И, конечно же, с помощью глаза сразу отбраковывались явные уродства. Но... глаз замечал и то, что никто бы не заметил сразу. А, может, и никогда потом.

Глаз заметил, как одна девушка постоянно прятала руки за спиной. Или в манто. Или в перчатки. Подумаешь, скажете вы? Да и любой бы так подумал, если бы не увидел, что руки ее покрыты нечистотами.

Другая была мила и красива. Если бы не одно «но», на которое правый глаз никак не мог закрыться: длинный нос, который особа, вероятно, любила совать всюду.

Третья водила за собой толпу незнакомых герою мужчин, походивших на безмолвных призраков. Но, как любому становилось ясно даже при маломальском разговоре, мужчин этих

хорошо знала она, так как все они когда-то повстречались ей в жизни (прошу меня простить за отсутствие подробностей) и почему-то остались там до сих пор.

Однажды молодому человеку даже показалось, что вот она, девушка мечты. Он обошел ее издали, словно драгоценный камень на выставке, пытаясь различить хотя бы один изъян. Изъянчик, изъянчушечек. Нет, таковые отсутствовали. Окрыленный подошел он к ней и лишь успел представиться, как из ее прекрасного рта показался язык, весь исколотый иголками и булавками.

Что же, скажете вы, не существовало ни одной девушки, к которой глаз Линкея был благосклонен? Не буду врать. Конечно, такие встречались. Однако тут уже левый глаз никак не мог успокоиться. «Слишком пышна», «излишне тоща», «чересчур веснушчатая», «неимоверно нескладна», «просто дура». Согласитесь, выбор был. Но выбора не было.

Да, идеал свой он не нашел. Пока. И потому он продолжал искать. А что оставалось еще? Единственное, чего он опасался всё больше и чего давно уже не делал: смотреть правым глазом на себя.

Седина дернула первые волосы.

«Это ничего, — думал путник. — Всё еще впереди».

Подъем теперь казался круче прежнего. Или ноги растеряли силы, а грудь объем. Это не пугало его, ведь там, на вершине, стояла хижина, а в ней жил старик, который закончит начатое.

Стояла.

Мужчина судорожно оглядел окрестности. Другие хижины находились далеко и кучно. Значит, пепелище перед ним и было тем домом.

— Скажите, — обратился он к проходящему мимо сельскому мужику, — тут жил старик. Где он?

— Так он товой.

Герой вопросительно посмотрел на селянина.

— Помер, говорю. Старый жо совсем.

— Как?

— А вот так. Как и все. Йок — и поминай, как звали.

— А дом? Дом-то почему сгорел?

— Так сожгли мы яво к такойта матери, — махнул мужичок рукой. — Колдун жо. Вдруг чаво.

И пошел прочь. Путник схватился за волосы.

«Что же делать?! — пронеслось в голове. — Что же...»

Он упал на колени.

«Значит... Значит, сам!»

Где-то на полусгоревших полках еще могла стоять заветная банка! Мужчина вскочил и бросился вглубь черных останков.

«Может, и нож его найду», — думал он, яростно раскидывая уцелевший хлам.

Время потеряло свою значимость и меру. Сколько его прошло, сколько осталось? И вдруг проржавевшая банка словно сама прыгнула в испачканные золой руки. Перевести дух. Усилие — и крышка провернулась. Будто ребенок, ищущий под елкой подарок, путник заглянул в банку.

«Что? Что это?»

Он перевернул ее вверх дном, высыпав на ладонь содержимое.

«Где?» — пытался понять он, пока ветер сдувал с его руки легкий пепел, хотя ответ ему, конечно же, был очевиден.

Мужчина сидел у знакомой с юношества речушки и вертел в руках зачем-то прихваченный нож колдуна.

«Какое древнее и неместное имя, — устало размышлял он, смотря на рукоять. — Полидевк?»

Он оттер его лезвие от сажи и тут произошло то, чего он так боялся: в глади металла он увидел давно забытое отражение себя.

Путник отпрянул. То ли правый глаз стал дурить, то ли он сговорился с левым.

Секунды раздумий, и кулак сжал нож. Брови его решительно нахмурились. Теперь его беспокоила лишь одна мысль: «Какой?»

«Левый, чтобы он не мешал принимать верное решение... Или всё же правый, потому что я и сам... урод?»

Что бы выбрал ты, дорогой читатель?

От дикого раскатистого крика вздрогнул селянин.

— Ууух, буянит, ирод! — погрозил он куда-то в сторону сгоревшей хижины.

Остров одного

Запись первая

Итак. Мне было сказано записывать всё, что тут происходит, все мои мысли (какими бы они ни были), переживания, идеи. В общем, всё, что придет в голову. Желательно подробнее. Вроде как так будет проще понимать происходящее (и мне, и им).

Начну с того, что я помню. Пока еще помню. Как мне кажется, этот день был вчера, но я могу ошибаться, т.к. помню только его и ни дня до него или после.

В общем, вчера я проснулся в своей квартире, темной и маленькой. Кровать у меня одно-местная, постельное белье серое и грязное, но я точно не придавал этому значения. Встал, пошел в туалет, прилипая к полу. Похоже, я давно не убирался. Затем завтрак. По-моему, я даже руки не помыл. Чай из пакетика, два куска сахара, бутерброд с маслом и колбасой. Черт, аж слюни потекли. Умял за минуту. Хлюпая, быстро выдул чай.

Искал по квартире носки, нашел какие-то дырявые, времени зашивать не было. Да и была ли у меня нитка с иглой? Надел так, всё равно никто не заметит. Главное, чтоб не воняли, но эти вроде всего пару дней лежали. Потом джинсы. Майка с каким-то пятном. Черт с ним. Не на бал собирался.

Бежал на автобус. Опоздал. Снова штраф влепят. Пока ждал другой автобус, смотрел объявления на остановке. И вот там-то я и наткнулся на это предложение.

«Ищете легкую работу за большие деньги? Выгодное предложение! Райские условия! Достойная плата по окончании стажировки! Центр Изучения чего-то там»

Да-да. Я тоже сначала подумал, что развод. Но в моей ситуации хватаешься за любую соломинку, любую ниточку, брошенную судьбой. Позвонил боссу, сказал, что заболел. Он сказал, что уволит меня нахрен, если завтра не приду. Вот беда-то. Еще бы платил.

Короче, двинул я в сторону этого центра. Пришел и вижу: очередь видно, а дверь, куда они стоят, еще не видно. Человек пятьсот, не меньше. Встал. Стою, жду. Прошло десять минут. Очередь не двигается. Прошло полчаса. Очередь стоит. Спросил, давно ли ждут. Ответили, что уже час. «У-у-у, — подумал я, — ну, вас к черту». Тем более, заметил, как некоторые из очереди стали уходить. Ну, и я тоже развернулся, было, и тут в глаза мне попался плакат. На нем какой-то урод белозубый рекламировал зубную пасту. Такой слащавый весь. А рядом с ним красotka и на заднем плане дом большой. И надпись еще эта «Только ты знаешь, что тебе нужно». Сволочи. И я подумал в тот момент: «Нет уж, я не буду отказываться просто так. Не буду сдаваться. Должно же мне повезти хоть раз!»

Простоял еще, наверное, полчаса. Осталась нас сотня, не больше. И вот двери, наконец, открыли. Нас запустили вовнутрь. Большая пустая комната. Там стояло несколько человек, почему-то в белых халатах. И все очкарики. Вот будто из фильма какого их вытащили. Типичные ученые.

Очередь рассредоточилась по стенам. Зато теперь мне были видны их лица, одежда, то, как они себя вели. Абсолютно разные люди. Ну, ладно, я. Но что там делал мужичок в костюме с чемоданом, для меня было загадкой. Или расфуфыренная деваха. Неужели тоже на то объявление клюнули?

Ботаник в халате что-то говорил, какая-то вступительная речь. Я не особо слушал. Понял только, что поселят на острове. «Уже круто», — подумал я. Кстати, надо запомнить на будущее:

*

*

ВСЕГДА СЛУШАЙ, МАТЬ ТВОЮ, ЧТО ТЕБЕ ГОВОРЯТ!

*
*

Так. Что было потом. Потом нас развели по коридорам. Я и еще пару человек завели в маленький кабинет со столами. Раздали бумажки с вопросами и сказали садиться и заполнять. Таких странных тестов я не видел даже при устройстве грузчиком в одну сетевую компанию. Не взяли туда, кстати. Не подошел им мой внутренний мир. «Ваше видение, — говорят, — корпоративной политики не совпадает со взглядами нашей компании». Да-да, точнее не скажешь, вертел я их корпоративную политику на своем видении.

Тест был нечто: детские загадки, формулы какие-то, «нарисуйте кружочки», «поставьте галочки», «помните ли вы столицу Зимбабвы». Сдурели, что ли? Что значит «помните»? Я ее знал?

Что именно я отвечал, уже забыл, но после того, как листочки собрали, ботаник сказал, что этим двоим предлагаемая работа не подойдет. Я еще подумал: «Что это за работа такая, если я им подхожу, а вон тот чувак, явно умнее меня, нет». Есть такие люди, у которых по глазам видно, что где-то там внутри скопилось всё собрание сочинений Маркса и Шопенгаера (зачеркнуто) Шопенгура (зачеркнуто) Шопенгаура. Ну, или они просто шибанутые на всю голову. Хм... Тогда с этой точки зрения я был идеальный кандидат.

Потом меня вывели в ту комнату, где сначала была толпа. А теперь человек пятнадцать. Всех сфотографировали. Сказали, что на документы. Ну, ок. Документы, видать, будут в полный рост и сзади тоже. Извращенцы. Но обещали заплатить, так что — эээх! — чем черт не шутит.

Что было дальше. Да ничего особенного. Заводили по одному в кабинет к доктору, блин (хотя сперва были опасения, каюсь). Померил пульс, давление, в глаза мои красные заглянул, ароматное дыхание понюхал. Задавал вопросы из разряда «нравилось ли вам в детстве оставаться одному?». Он же и сказал всё записывать. А потом голос его стал низким и тихим, что-то бормотал себе под нос. И я, видимо, заснул!

Всё. Дальше мрак. Тут помню, тут не помню. Очнулся на острове (не проснулся! А именно очнулся сидя), в палатке. Вокруг какие-то придурки ходят. И похоже, это те «счастливики» из очереди, которых вместе со мной фотографировали. Все мы одеты одинаково: короткие штаны и майка-безрукавка оранжевого цвета, на ногах оранжевые кроссовки. На груди и спине числа. Наверное, номера, как у футболистов или баскетболистов. У меня пятый. И рюкзаки на нас на всех.

Это уже совсем не смешно. Трусы на мне тоже оранжевые. Так... Стоп! Получается, кто-то из ботаников меня раздевал? Извращуги! Надо стереть это из головы. Буду представлять, что меня раздевала пышногрудая блондинка. Ммм. Да.

Нас десять. Прямо как в считалочке про десять негрятят: «Десять негрятят решили пообедать, один вдруг поперхнулся — и их осталось девять».

А. Еще. Я не помню своего имени, свою жизнь. НИ-ЧЕ-ГО. Кроме вчерашнего дня.

Ладно. Пойду я дальше разузнаю, что тут да как.

Запись вторая

Что нужно сделать на острове первым делом? Искать еду? Строить жилище? Собирать ветки для костра? Хрен там! Первым делом на острове нужно (далее помечено жирным шрифтом) найти укромное место, где можно спокойно поср***ть! (Пардон за мой хранцузский).

То ли природная скромность во мне говорит, то ли еще что, но не могу я это делать, когда на меня смотрят посторонние мужики. Чувствую себя в зоопарке. По ту сторону клетки. Вот что, если у животных есть сознание? А? То-то они там такие нервные. Как же тут не быть нервному, когда на тебя вечно пирят.

Забавно, но в поисках я столкнулся с первым. По его напряженному виду стало ясно, что у него были те же мысли. С ним мы позже и разговорились.

В общем, как я понял, никто толком ничего не помнит. День прихода в «Центр Изучения чего-то там» и всё. Потом только остров. Подобрали нас, словно специально: рост, вес, телосложение. Точь-в-точь. Такие братья-близнецы. Только не похожи совсем. Но всё равно кого-то они мне все напоминают. Будто я их знал раньше. В смысле, хорошо знал.

В рюкзаке, кстати, было много полезных вещей: фонарик, швейцарский нож (ну, или как его там? Хрень такая, в которой нож, вилка, ложка, поварешка, открывашка, штопор и так далее), аптечка, комплект чистых вещей (но тоже оранжевых), тарелка, кружка, щетка, паста, мыло, веревка (повеситься, что ли?), пара рулонов туалетной бумаги. Короче, стандартный набор идиота, решившего, что он может выжить в лесу, в горах, на необитаемом острове. Всех тех парней в камуфляже, предназначенного для того, чтобы их еще дышащее тельце не смогли найти. В комплекте был, конечно же, этот электронный дневник.

И, похоже, содержимое рюкзаков у всех одно и то же. Почти.

Почти, потому что у меня, например, лежал гарпун. У кого-то лежала удочка, у кого-то энциклопедия. Какой-то намек? С этим, похоже, нам еще предстоит разобраться.

Еще в палатках есть по набору жратвы: консервов всяких, всякой высушенной чуши, воды. Да, мы на острове посреди океана, но нам дали воды. Но и этого хватит от силы-то на неделю-две. И то, если голодать. Нет, нам явно на что-то намекают.

Кроме наших десяти палаток, стоящих в полукруг, на острове больше ничего нет. Хотя и остров-то не большой. Весь его по берегу я обошел примерно за час. На самом деле, сказать точнее сложно. Часы нам не дали.

Не дали нам и календаря. Я вообще не знаю, какой сегодня день. Да хотя бы день недели. Вдруг сегодня выходной? Тогда лег бы и с места не сдвинулся!

Точно-точно. Как же я мог перепутать? Сегодня выходной.

Запись третья

Почему каждый день не может быть воскресеньем? Всё просто — пролежни. Никогда не думал, что задница может болеть от того, что на ней лежишь.

Есть консервы надоело. Да и им же тоже надо когда-то покидать пристанище в виде моего желудка.

Еле встал. Вышел. Точнее выполз.

Солнце светит очумело. Чуть не ослеп.

Вроде я не пропустил вчера безбашенную вечеринку (я бы точно заметил), иначе откуда взялись эти человеческие черепашки? Да, «на бровях» очень точное определение нашего общего состояния ползания на четвереньках.

И тут я понял, что напоминает мне эта ситуация. Анекдот. Типа попадает как-то француз, англичанин, русский и американец на необитаемый остров. Ну, и там не важно, что происходит, но троих обязательно съедят, а четвертый останется один посреди океана.

Воооот.

Даже и не знаю, что лучше.

Как и я, никто ничего о себе не помнит. Конкретно нам мозги промыли! Вспоминаются лишь редкие обрывки. Поэтому договорились называть друг друга по числам на майках.

Выяснил, у кого что лежит в рюкзаках, помимо стандартного набора. Итак, по порядку.

Первый и второй — планшеты с большой энциклопедией, у одного первая часть, у другого вторая.

Третьему досталась удочка.

Четвертому — сеть.

Мне, как уже писал, гарпун.

У шестого тоже планшет, но с какой-то фигней: библия, свод правил поведения в обществе и прочая чушь.

Седьмой — лопата.

Восьмой — молоток. Гвоздей нет. Смысл?

Девятый — пила.

Десятый — планшет с книгой рецептов.

Мы так поняли, что каждому эти ботаники отвели свою роль в нашем сосисочном братстве. Хорошо, никому юбчонку не подкинули. Такую роль я бы себе не хотел.

Запись четвертая

На гарпун нихрена не поймает! Задолбался уже стоять в позе цапли и ждать, пока проплывет рыбина! Успокаиваюсь лишь тогда, когда представляю, что под водой плывет ботаник, а я всаживаю гарпун в него!

Бесит!

Этот сел с удочкой и спит, а я прыгаю, как макака. Еще и ржет надо мной. Прямо во сне! С сетью так вообще. Закинул и ушел в палатку. У них и улов больше. Предлагал другим поменяться, но никто не хочет. Драться бессмысленно: их больше.

Первый важный вывод на острове: жизнь несправедлива.

Из-за постоянного стояния в воде загорел по коленки. Сверху. Хожу теперь в белых гольфах. В белых волосатых гольфах. Чертов граф.

Вывод второй: мода не мое.

Повар готовит так плохо, что у меня постоянное расстройство желудка. И кишков. И вообще я весь расстроен от такой еды.

Строители (ну, те, у которых молоток, пила и лопата) стали активно суетиться. Кривой туалет их рухнул под тяжестью дум десяти задниц.

Вывод третий: какой бы голова умной ни была, а миром правит жопа. И если жопа сказала «сейчас!», то голове приходится подчиняться и срочно искать место.

На эту тему всплыло в голове воспоминание. Смотрел один раз передачу по ТВ. Там такие важные дядечки рассуждали о космосе, далеких звездах и других мирах, высших сферах, о нашем будущем. Другие им вторили про духовность и человечность. А я тогда сидел и думал: «Вот вы все такие возвышенные и окрыленные, а только рекламу врубят, понесетесь в сортир. Кряхтя и пердя, заберетесь на белый трон и взорветесь там бурями ошметками».

Вывод четвертый: это мерзкое тело никогда не даст нам стать выше и лучше. Оно тянет нас за собой. На дно.

После долгого шума строителям удалось, наконец, повалить одну пальму. Пальма упала на палатку второго. Было много мата. Второй жив. Будут ли живы строители, не знаю.

Вывод пятый: сколько бы голов ни было, но если они безмозглые, то это бесполезно. Например, десять идиотов даже хуже, чем один. Посмотрите на любое правительство.

Кстати, десятый не так прост. Кроме планшета с рецептами у него было кое-что еще. Нож. Ну, да. А чем бы он еще готовил? Нет, это называется тесак. Точно. Огромный такой тесак мясника. Почти топор. Повар, ага.

Вывод шестой: не верь никому. Особенно десятому.

А еще тут отлично видно звезды. Когда жил в городе, я и сотой части их не видел. Когда жил в городе, я на них и не смотрел... В городе небо было всегда равномерно серым. Ночью — темно-серым. Но здесь, на острове, иногда просто ложусь на песок и смотрю, смотрю, смотрю, пока не усну. И такой покой. И тишина. Хотя не, один хрен из этих храпит. А где-то там высоко кто-то другой так же лежит и смотрит сюда, вниз.

Вывод седьмой: иногда необязательно искать в жизни вывод. Можно просто лежать и смотреть на звезды.

Запись пятая

Сволочи. Храпят все! Никогда не слышал таких трелей. При должном умении ими можно дирижировать. Искал место подальше. Но как ночью отлично видно звезды, так и в полной тишине острова прекрасно слышен храп. Куда бы ты ни уходил. Я пробовал.

А днем строители покоя не дают. Казалось бы, всего нас десять человек, а столько шума. Мечтаю остаться тут один. Но для этого с другими надо что-то сделать.

(Отметка на полях.) Вообще это идея. Подумаю.

О чем же я мечтал раньше, интересно? Мне кажется, о человеке многое говорит его мечта. Недалекие люди мечтают о машине, о новом доме, красивой женщине рядом. А ты попробуй мечтать о свободе, об уюте, о любви.

Вообще в отсутствии городской суеты и, в особенности, ТВ в голову лезут разные мысли. Телеящик и правда словно заполнял вакуум в башке. А теперь кто-то оттопырил мне ухо, и внутрь черепной коробки стало со свистом засасывать всё, что есть вокруг.

Пока я насаживал на гарпун мальков, водоросли, ил и иногда свои ноги, телепузики повалили еще одну пальму. Пальма упала на палатку второго. «Меткие», — подумал я в тот момент. «***!!!! Опять!!! ***!!! Да что за ***!!! Чтоб вас *** ***!!!» — кричал второй. Мне кажется, он был недоволен.

Почему телепузики? Не знаю, кто это, но седьмой, восьмой, девятый попали на остров, похоже, прямо из цирка. Или комедийного шоу.

Вообще я частенько стал подумывать, а что, если мы и есть часть шоу? Вдруг нас, придурков, решили поселить на остров, чтобы какая-нибудь жирная домохозяйка из среднестатистического американского городка ржала над нами, хрустя и чавкая чипсами в глубокой тарелке.

Так вот, в любом телешоу есть главные герои, есть второстепенные, а есть всего лишь случайные персонажи или вовсе статисты. И выбирая тот или иной путь, мы выбираем, кем нам быть: человеком, на котором остановился крупный план камеры, человеком за его плечами вдалеке или же тем, кого нет в кадре.

К чему я это? К тому, что и в жизни всё ровно так же.

Как если бы я стоял перед знаком-развилкой, указывающим путь налево и направо. И вот тогда в «Центре изучения чего-то там» я явно повернул налево. И это мое право. Мое право на ошибку.

Так, ладно. На сегодня с философией хватит. Вот, до какой тьмутаракани доводит себя человек, когда не может спокойно выпить! Ну, ничего, я тут прикопал пару кокосов. Бодяга должна быть знатная.

(Дописано.) Смотрю, на спиленной пальме блеснуло что-то. Камера. Так за нами и правда следят? Хотя проводов никаких нет. Просто запись? Для чего тогда? Хотя кто его знает, новые технологии, хитрые спутники. Короче, камеру я с пальмы снял, на всякий. Пригодится.

Запись шестая

В памяти всё чаще всплывают куски прошлого. Чаще ерунда всякая. А сегодня вспомнил одну историю из детства. Девочка. Это была девочка. Но это вообще не важно. Она стояла на втором этаже, прямо перед лестницей. Я подошел сзади и в шутку толкнул ее. Да, я был придурок. Она упала кубарем. Сломала руку. А я, поняв, что натворил, струсил и убежал, пока никто не видит. Даже не помог ей подняться. Не позвал на помощь. Ничего. Если бы я смотрел на себя со стороны тогда, стоял рядом, я бы сам себе вмазал. Честное слово. От души

сломал бы нос этому выродку. То есть если бы это сделал мой клон, точная моя копия, я бы его возненавидел в ту же секунду. Возненавидел самого себя.

Строители решили построить дом. Пока что получается шалаш, но я в них верю.

Нет. Это сарказм. Как можно верить в телепузиков из шоу Бенни Хилла (кстати, кто это?), в третий раз уронивших пальму на палатку второго. Он уже и не кричал даже. Просто махнул рукой и ушел куда-то в задумчивости.

Из хорошего. Сегодня поймал пять рыбин! Не сеть, конечно, да и жру пока больше, чем ловлю. Но всё же.

Из плохого. «Гольфы» с каждым днем заметней. Такое ощущение, что длина штанов подбиралась специально, чтобы хорошо видеть «белые чулочки». Японская школьница, блин.

Еще из хорошего. Десятый, наконец-то, научился нормально чистить рыбу. Больше не плююсь чешуей и костями по полчаса. Но пока еще доверия нет. Поэтому ем аккуратно.

Шестой проснулся. В переносном смысле, конечно. Хотя лучше б он и правда спал. Начитался книжек. Задвигает о боге, о любви к ближнему, чертов проповедник. О любви к этим девяти придуркам то есть. Ха.

Энциклопедисты отстали со своими советами по видам рыб и долго шарились по лесу. Принесли енота. Енота, ***! Кролика не могли найти, что ли? Отдали десятому. А тот не будь дураком (вернее, в данном случае, не будь умным), приготовил его. Я чуть не блеванул, когда смотрел, как они жрут это тельце с маленькими ручками. Будто ребенка сожрали.

Убить их за это мало.

(Пометка на полях.) Подумать над этим.

Гарпун, кстати, легко догонит крупную тушку. В воздухе-то тем более. Хотя шестой сказал бы, что это грех. Зато енот любит воду, так что почти рыба. А рыбу можно спокойно есть, это не грех.

(Обведено.) Обожаю религию! Оправдает любого м***ка. Но при том все грешны одинаково. И кайся, кайся.

Иногда так тянет с кем-нибудь поговорить. И вроде полно народу, но не с кем. Да, самое худшее одиночество — одиночество в толпе. Сидишь так на берегу отстраненно и понимаешь, что жизнь, она там, где-то за спиной, в толпе чуждых тебе идиотов.

(Дописано.) Разговорился тут с первым. Дурак дураком, конечно, но что-то есть в нем... близкое по духу, что ли. Хотя в одиночестве любой дурак кажется близким по духу.

Рассказал он мне интересную историю. Провели однажды эксперимент. В закрытом большом контейнере создали целый рай для мышей. Там были разные домики в достаточном количестве и на любой вкус (мышиный, конечно же), куча еды и воды, разные развлечения, парк аттракционов, ага. Хищников нет, других угроз тоже. Тепло и сухо. Запустили сначала одну пару мышей. Чем они начали заниматься? Размножаться, естественно. Еды было полно, места тоже. Колония росла. Пока мышей не стало очень много, но еще не настолько много, чтобы испытывать нехватку ресурсов. И вот в этот-то момент и начала происходить довольно странная штука. Меньшая часть мышей захватила большую часть ресурсов (т.е. гораздо больше, чем им было нужно). Оставшиеся же мыши, не имея возможности найти пару и достойное пропитание потомству, перестали размножаться. Совсем. В итоге колония очень быстро постарела и погибла. Потому что колония — это все члены, а не только самые жирные. Такая история.

Забавно вот что. Первый правда считает, что виноваты обнаглевшие мыши, захватившие ресурсы. Но что с них взять? Они просто воспользовались преимуществом.

Нееее! Виноваты те, кто отдал эти ресурсы. Кто не грыз глотки. Кто познал дзен и плевал на всё. Кто опустил лапки. Кто смирился.

Какой вывод я сделал из этого эксперимента?

(Обведено и подчеркнуто.) Наступает момент, когда нужно брать власть в свои руки!

Запись седьмая

Какосы созрели! Эта не может ни радовать! Поп проп проп ов. О! Про поведник вазмушон. Нидастойное поведение говорит для острава. Ахахаха! Срать в кусты достойно а бухнуть под кустом нет! Чюфствую себя животным.

И вааааще. У меня праздник! Я абашол третьего с его уд удачкой. Я поймал больше! Хаха! Нуид ниуд ниудаТЩник.

Бьваовплосцкц ыврайдложма

Запись восьмая

Кошмар. Забродившие кокосы — жуткий самогон. Башка трещит. Нет, серьезно! Я слышу треск! Мозг рвется наружу! Мне конец! Мне конец!

*

А, блин, отставить панику. Это телепузики опять над пальмой надругались. Второй, кстати, перенес палатку. Кстати, не помогло. Не знаю, как они это делают, но в этот раз они ее вообще снесли.

Дом... нет, домом это нельзя назвать. Ну... сооружение, в общем, которое они почти построили, лично я обхожу за пару десятков шагов минимум, чтобы не оказаться в зоне поражения падающего бревна. Просто я видел, как они их скрепили. Я бы так и сортир не стал строить. Максимум будку для собаки. Для очень нелюбимой собаки.

Сегодня не ловил. Еще мутит. От волн мутит в разы сильнее.

*

Шестой довязался. Какими-то правилами мне тычет. Вот не дурак? Какие правила? Мы на острове! Мы даже не знаем, какому государству он принадлежит! Чьи тут законы? А он: «Правила переданы нам учеными, мы должны жить по ним».

Хитрожопый. По этим ср***м правилам он — глава нашего сообщества. Ага. Так и написано «сообщество». Кружок телепузиков! А он будет главный телепуз.

Полежу-ка я. Может, умру. Хорошо бы.

*

Блевал в океан на закате. Романтика.

Запись девятая

Жизнь хороша! Больше никаких кокосов. Ну, их. Как раз стащил у первого планшет. Найду что-нибудь помягче для башки. Или травку какую пожевать.

Читать скучно. Много просто пролистывал.

Буква Б. Бананы. Мммм. Банаааны. А здесь только чертовы кокосы.

Буква Г. Грудь. О, да, детка. Покажи, как ты кормишь малыша.

Буква Ж. Жаворонок... Жимолость... не, спасибо. Жо... Жо... Жонглер. Жор. А где...?

Буква З. Ага, вот оно. Не ожидал только увидеть жопу макаки. Я еще не настолько голоден. Вернусь к букве Г.

Буква К. Крысы. Мерзкие и жуткие создания. Кто хоть раз видел крысу размером со взрослую кошку, но в разы быстрее и сильнее (и злее!), тот уже не полезет в подвал без фонаря. И лома. И бронежилета. И вообще не полезет. Главное, чтобы оттуда никто не вылез.

Оказывается, среди крыс есть строгая иерархия. И если четырех крыс запереть в клетке, то будет драка. Но уже через час они станут командой, в которой у каждого своя роль. Не всегда приятная, но кому как повезло.

(Пометка на полях.) И еще раз спасибо за штаны!

Интересно и другое. Если из четырех таких клеток отобрать по одному сильнейшему крысу, крысячему альфа-самцу, и поместить их в одну клетку, то что? Будет драка. Верно. И в этот раз точно так же они распределяют роли между собой. Работает это и в обратную сторону, т.е. можно взять самых добрых крысов (если такое бывает вообще).

А вот тут меня накрыло. Что, если мы такие же крысы? Просто однажды отгрызли себе хвосты и встали на задние лапы. И что, если ничего нельзя изменить? Убей всё зло, и в оставшемся добре снова появятся злые крысы. Не будет зла, не будет и добра. Получается, так?

Первый поинтересовался, не брал ли я его планшет. «Что ты! Нет, конечно!» — сказал я ему и аккуратно подкинул обратно, пока он не видел.

Короче, ничего забористого найти не успел. Эх.

*

Строители зазывали посмотреть их «творение». Делал вид, что ловил рыбу, до посинения. До их посинения. Ушли.

*

Наконец, решил насущную проблему. Чтобы не было видно «гольфы», перестал мыть ноги. Цвет сравнялся. Бинго!

Ладно-ладно. Я и не начинал их мыть на острове. Смысл тот же.

*

Вечером первый снова спросил, не брал ли я планшет. Вот те на. Хотел сказать «я же вернул», но вовремя заткнулся. Хм. Значит, есть еще один интересующийся.

Запись десятая

Гарпун дается всё проще. Времени становится всё больше. Интересных занятий всё меньше. Видимо, поэтому с первым стали общаться всё чаще.

Рассказал мне, что лабораторных мышей, оказывается, получают спариванием двух-трех десятков поколений братьев и сестер. А что, если даже людям это не чуждо, мышам тем более. Так вот. В результате такой доброй традиции инцеста получаются генетически идентичные мыши. Почти клоны, короче. Поэтому на них проводить опыты целесообразнее, т.к. в результате не вносятся разные гены, а с ними разная степень устойчивости к воздействиям и стрессам. Забавно.

*

Проповедник устроил собрание. Всё собрание хотелось бить себя ладонью по лбу. Другие тоже похихикивали. Но не десятый. Он стоял серьезный. У него горели глаза. Поп и попадья живьем.

Дал указание седьмому рыть яму. В смысле не для объедков, а метра три чтоб была. Я его спрашиваю, нах... в смысле, зачем, говорю. А он: «Чтобы усмирять тех, кто нарушает дисциплину и порядок». Я ему: «Может, сразу расстрелять, ваше высочество?» Он: «Не надо передергивать. Надо просто следовать правилам». А я: «Ружья нет, да?» Шестой промолчал. Ахаха.

Чую, что первый, кто окажется на дне ямы, буду я. Хотя меня такой ерундой не напугать. Работать не надо. Главное, чтоб кормили.

Ну, и вообще. Озвучил он «заповеди», по которым теперь жить надо. Не, я не запомнил, ясен пень. Что-то типа «молиться, поститься и слушать, что скажет шестой». Приплыли, короче.

Десятый, кстати, раздобыл и стал больше похож на мясника. Приносишь рыбину с руку, на ужин получаешь с палец. «Усушка, утруска», — говорит. «С***ка ты, — думаю, — весьма прожорливая».

*

«Скажи мне, кто твой друг, я скажу, кто ты». Вот у шестого друг мясник. У меня — первый (если его можно назвать другом). Почувствуйте разницу.

Запись одиннадцатая

Довольно быстро живущие на острове стали следовать дебильным правилам. Просыпаться по требованию. Засыпать по требованию. Работать по требованию. Есть по требованию. Хотя еще осталась свобода, осталась. В туалет по желанию. Но! В строго отведенное место. Повозникали, конечно, некоторые. Пока в глаз от мясника не получили. Ага, я тоже.

Что ж поделать. Стадо хочет правил сверху. Хочет ходить строем. Хочет проторенные дорожки. Солдат ты или заключенный — всё одно: ты лишь часть этого стада.

*

Даже первый и тот смирился. Говорит, что верит в то, что заливаает нам шестой. Спросил меня, не верю ли я.

«О, нет, — ответил я, — я верю лишь в себя. И в то, что стану звездой. Однажды мы все ей станем».

Мне кажется, он не понял.

*

Гарпуню теперь только половину дня, укладываюсь в данную «свыше» «норму». Остальное время зрею на солнце.

Ха. Люди довольно странные фрукты. Достигают зрелости лишь через тридцать пять лет. Но вкуснее-то незрелыми. Парадокс.

В том шалаше, который построили телепузики, поселился шестой с его верной женой, т.е. с десятым. Телепузики немного офигели, но спорить не стали: пальм еще много. Да и фингалы еще не у всех зажили. Бой-баба.

*

Шестой стал выяснять, почему я ничего не делаю. Я молча показал ему на ямку, выложенную листьями, в которой лежала рыба. Считай, говорю. Он посчитал. «Сходится?» Говорит: «Я увеличу план. Нельзя сидеть без дела». Не сдержался. Каюсь. Дал ему по шее.

Боже, если ты есть, ты, сидя на пушистом облачке и заплетая седую бороду в косичку, тоже слышал, как он верещал. Я даже моргнуть не успел — чесслово! — тут же нарисовался мясник. Боевой пи***с. Какой же он ревнивый! Я ему говорю: «Ты не волнуйся. Между нами ничего нет, чисто деловые отношения. Он весь твой».

Дальше провал.

*

Моргать больно. Хотя можно и не моргать особо — глаза и так, как щелочки. И да, я великий Нострадамус. Говорил же я, что буду первым. И я оказался первым. Первым, кто попробует пожить в яме.

Никогда не понимал. Люди так любят твердить про гуманное отношение к животным. Сюсюкаются с ними, какашечки за ними убирают, в слюнявую морду целуют. Оберегают, в Красную книгу заносят. А как же гуманное отношение к людям, а? Кто меня занесет в Красную книгу? Я чувствую, что тоже скоро исчезну.

Запись двенадцатая

Хрен его знает, сколько мне тут еще сидеть. Из ямы выбраться нереально: стенки сырые и зыбкие. Как ее седьмой выкопал? Virtuoz лопаты.

Первый приходил ко мне и, как мог, развлекал. Хотя он рисковал оказаться рядом, ведь «лень — это смертный грех!»

*

Вот я торчу тут и много думаю. О своей жизни, в том числе. О той ее части, которую вспомнил. Кто прочтает, наверное, удивится, но я завидую старикам-ветеранам. Да, они пережили ужас, боль и горе, но они выжили. И они герои. Настоящие герои. Им есть, что вспомнить. А что вспоминать мне, когда я стану стариком? Свою обычную работу? Свою серую жизнь? Эту яму?

Сказал это первому.

А он: «Будешь вспоминать остров. Приключение!»

Я рассмеялся, насколько позволяла ноющая щека.

Надеюсь, меня порубает мясник своим тесаком, чтобы не приходилось вспоминать всё это.

*

Первый ушел работать. Скучно.

*

Очень скучно.

*

Безумно скучно и хочется есть.

*

Жрать не дают, а дневник великодушно оставили. Потому что это одно из правил ботаников для нас. Писать дневник!

Приходил шестой. Спрашивал, осознал ли я. Для «просветления» бросил мне кусок коры, а там... «заповеди»!

*

Хм... Пробежался я глазами по «заповедям» пастора нашего (он умудрился их прямо на коре выжечь, чунга-чанга, блин). Мило, что к главным грехам он не относит, например, убийство. Гнев относит, а убийство нет. «Не убей» — это лишь рекомендация! Т.е. если я буду крошить людей налево и направо, но — тут важно! — не буду злиться, то это не будет считаться грехом!

(Пометка на полях.) Идея мне нравится больше и больше.

А теперь, внимание, вопрос. Кто убивает людей без злости (а поэтому — далее жирным шрифтом — и без особой надобности)? У кого какие варианты? М? Вот ты, кто это читает. Есть мысли?

Ответ прост. Только психопат. Больной ублюдок. Маньяк. Чудовище в человеческом облики. Даааа... Вот так бог. В рай как-то резко перехотелось.

Лицемерия тоже нет среди грехов. Забавно.

*

И врать бог не запрещает. Пасторы, правительства... Как говорится, я просто оставлю это тут.

Смеяться больно. Щиплет.

Шестой прошел мимо и удивленно заглянул вниз.

Да! Мне тут хорошо! Тут, на дне ямы, нет твоих правил!

Запись тринадцатая

Это пытка!

Нет, не сидеть тут. Пытка вспомнить какой-нибудь фильм, вспомнить лицо актера в главной роли и... никак не вспомнить его имя! Джордж... Майкл... Ну же, кто ты, гад? Сети тут нет, и позвонить, к несчастью, не могу.

Вот кто играл Морфеуса? А? Не в переснятой недавно версии, а в той, старой, еще без нейронной графики. Что-то простое вроде... даже близкое мне.

Спросить, что ли, у первого?

*

Пытался отвлечься на что-нибудь другое, привязалась дурацкая детская песенка. Мозг будто хочет от нее избавиться, но из всей песенки я помню только припев (нечто вроде «ня-ня-ня ня-ня-ня отвяжитесь от меня». Теперь и тебе с этим жить. И для закрепления: «ня-ня-ня ня-ня-ня отвяжитесь от меня»). Не помню, как она заканчивается (а это оказалось важно для мистера М), поэтому мозг прокручивает припев снова и снова, как заевшую кремниевую пластинку.

*

Я начал пританцовывать? Какой позор... Убейте меня...

*

Фух... вроде отпустило.

*

В ограниченном пространстве мысли всё сильнее лезут в голову. И никак от них не скрыться. Они, как призраки давно умерших людей. Хочу отсюда! Не хочу оставаться с ними наедине!

*

Для чего я тут? Не в яме. Это ясно. Не на острове, это не ясно, но решаемо. Зачем я... вообще? Кто-то приходит в этот мир создавать, кто-то разрушать. А я, наверное, пришел, чтобы посидеть в яме. Яме, в которую превратилась моя жизнь.

*

Наконец-то пришел первый. Никогда его так не ждал! Спросил у него. Нет, е-мое, это не Сэмюэл Джексон! Что значит «на одно лицо»? Чертов расист!

*

Теперь его на ностальгию потянуло. С чего бы? Скучнее, чем одному.

*

Первый, видимо, держит меня за идиота! Этот придурок рассказал мне мою же детскую историю! Ту самую, как я толкнул девочку.

Хотя стоп... а разве я ему ее рассказывал?

(Дописано.) Фишборн! ФИШборн! Лоуренс Фишборн!

Запись четырнадцатая

Я чувствую, как потихоньку схожу с ума. И первый куда-то запропастился.

*

Не могу ни о чем думать, кроме желания выбраться отсюда.

*

Стены давят. Мне кажется, они вот-вот осыплются и похоронят меня заживо. Но это не даст мне покоя, ведь я не умру сразу, а буду долго задыхаться, а потом ненасытные черви вонзятся в мою плоть.

*

Я слышу, как они копошатся у моих ног. Я чувствую их скользкую кожу...

*

Нечем дышать. Я задыхаюсь.

*

Боже, помоги!!!

*

*

*

На мой крик прибежали.
Скинули веревку.
Что ж... Ладно. Полезу, наверное, раз я им так нужен.

Запись пятнадцатая

Сколько времени я провел в яме? Месяц? Год? Не верю, что люди могут так поменяться быстрее.

Неужели я один это вижу?

Зомби в зомбипарке и то имеют больше воли, чем «островитяне». Прямо свидетели скрижалей из коры, не иначе. Каждый день — собрание. С утра планы на день, вечером отчет о планах.

«Я планирую поймать десять рыбин», — говорю я утром.

«Я поймал десять рыбин», — говорю я вечером.

И вру. Ловлю всегда больше. Мне это нравится. Это хоть какой-то способ развивать себя здесь. А лишнее, что ж... Лишнее не успевает протухнуть. Никогда бы не подумал, что в таком райском уголке может собраться столько хищных тварей, которые только и ждут, когда ты дашь слабину. Так что тюкни меня мясник топорком и прикопай неглубоко тут же, хорошо, если бы хоть кости остались.

Каждый вечер шестой спрашивает, сделали ли мы запись в дневник. И не проверяет ее наличия. Правила выжжены на коре каждой десятой пальмы. Жду, когда пальмы уже пронумеруют. Вот почему упорство и напор часто идут рука об руку с отсутствием мозгов? Но хуже другое. Шестому мало правил, данных ботаниками. Он стал придумывать свои. Не выходить на пляж ночью. Не разжигать огонь вне специальных мест (список мест прилагается). Не собираться в количестве больше трех человек, помимо собраний. Не обсуждать друг с другом прошлое и воспоминания. И т. д.

В общем, сплошные планы, отчеты и следование правилам. Неукоснительное следование правилам.

Нравится ли такой расклад другим? Энциклопедисты хлюпики и тюфяки. Ни слова против не скажут. Строители работяги, выносливые и терпеливые. Рыбаки просто пофигисты. Но никто, никто из них не доволен тем, что происходит. Кто остается? Шестой и десятый?

К чему я это? Да к тому, что правила, данные кем-то «сверху», заповеди, записанные со слов бога, указы короля, распоряжения начальства никогда не приживутся сами. Будут вбиваться палками, караться гневом господним, подпираться штрафами и арестами, но не доброй волей. Они всегда будут против человеческой сущности. Поэтому ты либо следуешь им, как раб, как овца в отаре, как мерин, либо идешь против них и заканчиваешь на плахе или в психушке, либо уходишь из этого дурдома гарпунить, как я. Сосредоточенность в деле отвлекает от дурацких мыслей и успокаивает.

*

На острове спасают две вещи. Про одну я уже сказал — гарпун. А еще — дружба. Говорю с первым о всякой чуши, главное, хоть о чем-то говорить.

Первый рассказал про старый эксперимент над синицами, которые учатся друг у друга. Синицы — это, оказывается, такие воробьи. Только желтые. Как бы вполне логично. Желтая синица. Не синей же ей быть, в самом деле.

Суть эксперимента была в том, что одних синиц учили открывать кормушку влево, других вправо. А кормушка открывалась в обе стороны (как и многое в этой жизни). Обученных синиц правого и левого толка выпустили в парк, где висели кормушки, и стали за ними следить. Какое-то время обученные синицы учили других. В итоге часть синиц в парке открывала кормушки влево, другая часть вправо. Но, что самое интересное, когда прошло еще какое-то

время, все (!) синицы стали открывать кормушки в одну сторону. Потому что так принято! Синицы-конформисты, блин.

Так вот в чем дело. Один за всех и все за одного. Чо я как лох-то? Раз все терпят, я-то ваще самый терпеливый. Стыдно осознавать, что мы на острове ничем не лучше синиц из парка.

Может, не зря говорят, что со стороны виднее?

Кстати, читал давно, еще в прошлой жизни, задачку на логику, как раз из области «посмотреть со стороны». Три мудреца (один из них вы) поспорили, кто из них мудрее, но никак не могли прийти к единому мнению. И тогда они обратились к четвертому мудрецу за помощью. Видимо, его они изначально считали недостойным звания великого мудреца. Хотя почему тогда пришли к нему с просьбой решить их конфликт? Хм. Задачка на логику без логики. Не важно. Так вот. Четвертый мудрец сказал: «У меня есть три белых колпака и два черных. Каждому я надену по колпаку, вы не увидите себя, но увидите двух других. Кто первый скажет, какой колпак на нем, тот и будет самым мудрым».

Простой соображалки достаточно, чтобы понять, что если сказать ответ быстрее других наобум, то он будет верным в одном случае из двух. Если же молчать, думать и в итоге дожидаться, пока скажут другие, то верный ответ будет дан задумавшимся мудрецом только в одном случае из четырех. И даже, если быть абсолютно уверенным в своей правоте, эта вероятность не превысит одной трети. Какова мораль? Если нет времени думать, делай на удачу, пока кто-то другой не поступит так же и не обойдет тебя. В такой ситуации самоуверенный дурак был бы мудрее задумчивых мудрецов. Вот так-то.

Ладно, я отвлекся. Продолжаем условие. Вы видите, что на двух других мудрецах белые колпаки. Какой колпак на вас?

Не буду углубляться в дебри «верного» ответа, но на вас тоже белый колпак. Почему? Потому что если бы на вас был черный колпак, тогда другой мудрец провел бы сложный анализ и понял, что на нем белый. Но он молчит. Значит, на вас белый колпак. То есть всё решение задачи сводится к тому, что остальные не идиоты, а вы должны полагаться на ИХ логику и, главное, честность. Довольно странно, правда? А что, если они специально промолчат? Что, если четвертый мудрец в отместку надел на вас желтый колпак? Но даже если четвертый мудрец не точил на вас зуб, а другие мудрецы всё же мудрецы, а не идиоты, что на основании их рассуждений можно строить собственное решение задачи, то почему же тогда, черт возьми, ОНИ МОЛЧАЛИ???

Вот поэтому терпеть не могу задачи на логику, квесты и детективы. Потому что они описывают не логику мира, а логику идиота-автора. Людей, которые легко решают такие задачки, можно только поздравить: они одинаково идиотичны с автором.

*

Жизнь на острове уже успела осточертеть. Признаюсь, я даже хотел грохнуть шестого и десятого. Но... похоже, это нужно только мне. Так что пусть живут придурки...

*

Сегодня я явно превысил план по заполнению дневника.

А вообще кому я всё это пишу? Кто меня будет читать? Зачем? Я сам и так знаю, что здесь написал. Истину я себе не открою. А больше это никому и не нужно. Это и шестому не нужно. Вот кто ты, человек, взявший мой дневник в руки? Ботаник из «Центра»? Тогда знаешь, что? Иди в ж***у! Всё. Далее не вижу смысла продолжать.

Системная запись

Внимание! Зарегистрировано длительное отсутствие записей.

*

*
*

Системная запись

Внимание! Зарегистрировано длительное отсутствие записей.

Запись шестнадцатая

Да-да-да. Я обещал никогда больше не писать. И я держался достаточно долго, по моим прикидкам полгода или даже больше (календаря всё еще нет, а любое упоминание о времени у нас карается ямой). Вообще если бы я знал, что эта хренотень так затянется, я бы никогда не клюнул на «выгодное предложение».

И я бы удержался от писанины и дольше. Но произошло нечто странное, что побудило мои пальцы вновь топотать по экрану. Восьмой пропал. Напомню: мы на острове. Вокруг океан. Лес уже прочесали не на один раз. Пропадать некуда и негде. Уплыть он тоже не мог: плот, который, как оказалось, сооружали строители всё это время, был разрушен ими же по приказу шестого. Помню, как я ржал в голос, когда они его ломали. Во-первых, было просто комично наблюдать, как они обиженно пыхтят. Во-вторых, чтобы куда-то плыть, нужно знать, куда или хотя бы ОТКУДА. Ну, и в-третьих, я надеялся, что сейчас-то у них щелкнет в голове тумблер и они пошлют всех куда подальше. Хм. Нет, не щелкнул. Они не захотели становиться злыми крысами.

Чем же был примечателен восьмой? Это тот самый «беспольный» строитель с молотком и без гвоздей. Но он единственный, кто хоть как-то поддерживал меня против шестого. Единственный, кроме меня, полезный член со-общества. Можно сказать, гражданин острова. Даже первый меня не поддерживал, а он да.

Первый считает, что восьмой просто от нас прячется. Святой, наивный человек. Место, где он «прячется», вряд ли больше одного метра на два.

*

Из жизненного: за это время в яме я побывал больше других, раз двадцать. В одно из последних посещений попросил у седьмого лопату и выкопал там себе лежак. С**ка шестой увидел это и заставил закопать обратно. Точнее как. Заставил десятый.

Из супермегаофигенскикрутого: я гарпуню больше четвертого. Давно уже. Как же он позеленел, когда узнал. Чуть не сдал меня шестому, гад. Но когда увидел, как я насаживаю одним броском несколько рыбин в ряд, почему-то перехотел жаловаться. Думаю, причина в моем природном обаянии. Или меткости. Или безумной улыбке.

Гарпун стал продолжением меня. Ни удочка, ни тем более сеть не могли быть таковыми. Гарпун давал мне развиваться. Чем я ловчее, чем я сильнее, чем я быстрее, тем больше я поймаю. Я ничем не ограничен. Только собой. Меня не держит берег, я не завишу от длины лески. Всё зависит только от меня.

*

Откопал в вещах камеру. Ту, которую снял давным-давно с пальмы. Камер, кстати, много. Но теперь, если упадет пальма с камерой, шестой заставляет ее перевешивать на соседнюю. А я в связи с исчезновением восьмого решил везде таскать ее с собой. Не пальму. Камеру.

*

Из грустного: чаще стал жалеть, что никому не подкинули юбчонку. Гоню от себя мысли о сексуальных бревнах и кокетливых рыбах. Но какие же аппетитные у облаков попки!

*

Из бредового: на пальмах таки появились номера! Пока что не на всех, а только на тех, где есть камеры. Но я верю в упорство шестого.

Запись семнадцатая

Поиски восьмого продолжаются. Ну, как. Я его ищу. Остальные будто забили. Первый спрашивает, зачем я этим занимаюсь.

Спросил его, а что, если он пропадет, и его никто искать не будет? Он задумался.

*

Пока никто не видел, залез в палатку восьмого. Думал найти зацепку. Аптечка почти целая. Рюкзак на месте. Нет веревки, но ее он мог потратить на шалаш. Дневник разбит. Судя по круглой отметине — его же молотком. Зачем? А я еще думал, что я псих.

Поспрашивал у седьмого и девятого, где они работали, что делали. Махнули в сторону леса. Прямо открытие совершили.

С другой стороны, мы искали живого. А что, если? Фу, черт. Отстойная ситуация.

Даже если так, на что стоит обращать внимание? Запах. Хорошо, но я не собака. Что еще? Слаб я в этой теме. Да и признаться, трупа не видел никогда. Как-то везло.

Хотя...

*

Первый раз так болела башка! Я думал, двину коней! Лицо... Лицо молодой женщины. Она спит?

Твою мать! Она мертва! Гроб, толпа вокруг. Что это за хрень в моей голове?!

*

Сижу под пальмой. Отходняк. За спиной в стороне услышал шуршание кустов. Вышел первый и пошел мимо, будто не видя меня. Окликнул его, но он лишь прибавил шаг.

Что ж, знакомое выражение лица, когда приспичило, а вокруг ни одного крупного листа.

*

Отложил поиски. Гарпунил.

*

Сидели с первым после собрания на пляже. Это запрещено, но, к счастью, в нас еще не умер дух авантюризма, мы еще способны делать маленькие глупости. Да и по храпу из шалаша было ясно, что ни шестой, ни десятый не придут.

Спросил у первого (он же «ботаник», всё-таки), есть ли животные или насекомые какие-нибудь, которые мертвечину едят.

Он так на меня странно посмотрел.

Сказал, что есть жуки-мертвоеды, могильщики. В принципе, встречаются и другие любители трупачинки: птицы, звери, даже рыбы — пираньи, например. Но он тут таких не видел. Только парочку жуков. Поинтересовался, зачем мне это. Зачем-зачем. Восьмого найти. Или хотя бы то, что от него осталось. Первый психанул, сказал, чтобы я не хоронил человека заранее.

Нервный он какой-то стал.

Сидели в тишине.

«Знаешь, какой самый страшный договор может заключить человек в своей жизни?» — спросил я его, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

«Хм. Что-то с громадной процентной ставкой?»

«Нет».

«Продать органы?»

«Нет».

«Ну, не знаю, душу, в конце концов?»

«Не смеши. Нельзя продать то, чего нет. Самый страшный договор — это договор с совестью. Когда ты смог договориться с ней и закрыть глаза на преступление, или не помочь погибающему, или толкать других к пропасти, даже если они сами этого пожелали».

Не знаю почему, но первый заторопился в свою палатку.

*

А я вот не договорился. Поэтому сейчас я лягу спать, а завтра вновь пойду искать восьмого.

Запись восемнадцатая

Надо действовать.

Первым делом незаметно пробрался в палатку первого и посмотрел, как выглядит жук-могильщик. И ж... жо... нет, только жук-могильщик.

Вторым делом взял у седьмого лопату и двинулся в лес. Туда, где строители потеряли восьмого.

В лесу наткнулся на первого. Вид у него был, будто он сам потерял что-то, а я помешал поискам.

«Что забыл тут?» — говорю.

Он начал заикаться.

Говорю: «Тоже восьмого ищешь?»

Он: «Да!»

«Так давай вместе, — говорю, — ты-то лучше знаешь фауну».

Он пытался сбежать, но плюс гарпуна в том, что рука становится не только точной, но и сильной.

Что могу сказать. Найти жука в лесу то же, что искать иголку в... лесу. В общем, решили поесть, поделаться вид, что работаем, и снова продолжить.

*

Вот что за человек этот первый! А еще друг! Ушел без меня. Один хочет найти. Детектив комнатный. Побежал за ним. Смотрю, суетится, кричу ему, чтобы он ничего без меня не делал (лопата-то у меня). Он вздрогнул, завертелся.

«Ну, что? — спрашиваю. — Нашел что-то?»

«Нет-нет. Ничего не нашел»

Я ему: «Ты чего? Вот же жуки эти! Могильщики! Смотри!»

Он: «А ты откуда знаешь, как они выглядят?»

Я: «Ты забыл, что ли? Сам же рассказывал!»

Он: «Ну, да».

Поверил, балбес. Ахаха.

Говорю: «Смотри, прямо по этой куче ползают, дай копну».

Он: «Я сам!»

Ну, сам так сам. Дал ему лопату, сел писать. *Откорректировано* писать!

*

Какой же глупый этот первый! Пять раз показывал, где надо копать. А он всё в сторону куда-то уходил.

*

Давно кокосов не ел. Но блевал сегодня еще хлеще. Не знаю, почему первый к этому так спокойно отнесся.

Лицо восьмого... Оно точно будет сниться мне в кошмарах. Да я до сих пор его вижу перед собой. А первый так спокойно: «Это и есть могильщик. Точнее его личинки».

Восьмого кто-то закопал. И хоть первый пытался меня убедить, что могильщики так и называются от того, что закапывают трупы, но это же полная чушь! Это же не мышка, не птичка, не бурундучок.

Переборов очередной приступ тошноты, я откопал восьмого и в импровизированной могиле нашел молоток. Весь в следах крови.

Что? Может, его и по башке могильщик тюкнул, а, первый?

*

Пошел к шестому. Всё рассказал. Он покачал головой, что-то вычеркнул у себя в планшете. И всё.

Я говорю: «Делать что дальше?»

А он: «А что делать? Строить нам уже особо ничего не надо. А молоток передай десятому. Пригодится. Да и вообще, это несчастный случай».

Я чуть не заорал: «Ты что, идиот? Какой несчастный случай?! Он убит! Среди нас убийца!»

Неожиданно появился десятый и вытолкнул меня из шалаша.

*

Лежу и думаю. Кому мог помешать восьмой? Да ясно кому. Значит, кто его убил? Да ясно кто. Не шестой, конечно. Он трус.

Ну, ничего, десятый. Я выведу тебя на чистую воду.

Запись девятнадцатая

Честно, если бы на острове был алкоголь, я бы бухал. Как дикий единорог. До радужных соплей. До криков «иго-го». До втыкания рогом в песок.

Но на острове нет алкоголя. И я не бухаю. Я думаю. Очень много думаю. Слишком много думаю. *Отредактировано* кокосы не предлагать!

Пытаюсь вновь вспомнить лицо той девушки... Но вспоминаю лишь лицо восьмого. И копошащихся в нем личинок.

Не пойму только, зачем восьмой разбил свой дневник.

Говорят, что преступники всегда возвращаются на место преступления. Слежу за десятым. Но пока ничего. Он скучный. Я бы повесился, если бы был им. Хотя, возможно, кто-то повесился, если бы был мной.

*

От скуки почитал свои старые записи. Так необычно. Мысль, записанная мной полгода назад, настолько неузнаваема, словно озвучена совершенно другим человеком. Словно каждую минуту умирает старый я и рождается новый я. И я абсолютно уверен, мы бы нашли, о чем с ним поговорить.

*

Снова следил за десятым. Бугай почти не покидает шалаш. Там он готовит на всю ораву телепузиков, там спит, проводит большую часть дня. Шестой и то чаще из шалаша выходит.

*

Залез в палатку второго покопаться в его энциклопедии, пока он где-то гуляет.

Вообще именно на острове я понял, какое огромное значение имеет информационная безопасность, потому что любой урод может заинтересоваться тем, что вы прячете от других. Хорошо, что это был я. Я-то не урод.

Буду честен. Листал быстро и судорожно.

Я — ягодицы. О, да! Вот оно, что я искал! Вот она ж... моей мечты!

Выбирался, словно ниндзя.

*

Телепузики разобрали палатку восьмого.

*

Четвертый куда-то запропастился. Да и хрен с ним. Он со своей сетью совсем обленился, ловит всё меньше и меньше.

*

Вот это да! Вот это номер! Собрание закончилось. Всех отправили по палаткам. Но я спрятался. И тут-то я и увидел, как десятый взял за шкуру шестого, пару раз потрянул его, как котенка, и басовитом рыком приказал: «Я тебе сказал, делай так. И не спорь. Ты понял?»

Вот так поворот. Получается, шестой вовсе не главный. Шестой — как это ни парадоксально — шестерка.

Запись двадцатая

Какая-то с... редиска, нехороший человек увидел меня в палатке второго и настучал шестому. Может, это сам шестой и увидел, но боится признаться? Короче, я снова в яме.

Главное, спросили меня, что я там делал. Не рассказывать же им про ж... В общем, сказал, что смотрел лекарственные травы.

Ага, они тоже «поверили».

Так мало того, теперь меня еще и в убийстве восьмого подозревают. Какая связь, да? Говорю: «Несчастный случай же». Они: «Какой несчастный случай! Он убит! И ты первый, кто кричал об убийстве восьмого. А на воре и шапка горит». Вот те раз. Лучше бы пил. И курил.

*

Заглянул первый. Всё-таки он хороший человек. И у нас с ним много общего.

Он спросил меня: «Помнишь, про колонию мышей? Знаешь, я иногда понимаю тех мышей, которые решили ни с кем не связывать свою мышиную жизнь. Лучше отсутствие, чем осознание ошибки. Согласен? Может, мы такие же мыши-отшельники. М? Что думаешь?»

А что я могу еще думать? Он будто прочитал мои мысли.

*

Видать его тоже тянет на философию. Среди пустого трепа он выдал нечто. Погодите-погодите. Вспомню точную формулировку.

«Человек — это слоеный пирог из того, кем он когда-то был, кто он есть сейчас и кем он будет потом.

Только прошлое я не помню, а будущее мне неизвестно, будто у меня украли самое вкусное из начинки».

«И наср... ли еще туда», — добавил я.

Первый спешно ушел, ничего не сказав на это.

*

Телепузики нашли-таки четвертого. Запутавшегося в собственной же сети. Утоп. Добрался до кокосов, видать.

Запись двадцать первая

Утром выпустили. Сказали: «Жрать нечего, работай». Это всё, что нужно знать об устройстве нашего сообщества.

*

Первый помог мне выбраться, подав руку. Ничего особенного, понимаю. Но... просто мне подумалось. Вот есть такие, кто пытается сломать тебе кисть, сдавив ее своей клешней, будто играет в армрестлинг, кто-то, наоборот, кладет свою ручку, словно дама в ожидании прикосновения губ. А идеальное мужское рукопожатие, как идеальный поцелуй с девушкой: не

слишком долгое, чтобы не устать, не слишком сильное, чтобы не сделать больно, но достаточно крепкое, чтобы показать намерения, и, главное, максимально плотное. (Пометка). Глаза при рукопожатии закрывать не нужно!

*

Понял, что нужно придумать способ, как самому выбираться из ямы. Механизм какой, конструкцию, что угодно. Нечто легкое и складное.

Забавно, что мысль эта пришла мне только сейчас. Опечален своими интеллектуальными способностями.

*

На острове я перестал удивляться. Второй перележал на пляже. Ну, и того. Совсем того. Даже обгорел. Кожа не просто покраснела, она еще и облезла. Чертовщина какая-то. Вещи его шестой забрал в шалаш. Последнее время он был не такой самоуверенный, как раньше. Конечно! Жenuшка-то его оказался с буйным нравом.

*

Разобрали палатки четвертого и второго.

*

Хороним всех в лесу. Так сказать, по сложившейся традиции.

*

И еще.

Я пишу не зря. Пусть даже всего один человек прочитает и что-нибудь поймет для себя, что-то изменит в своей жизни. Этого будет вполне достаточно. Даже если это буду я сам.

Запись двадцать вторая

Пару дней не писал. Не страшно. За это не казнят еще.

ТЬФУ-ТЬФУ-ТЬФУ.

Важнее другое. Я придумал эту хреновину. Которая поможет выбраться из ямы.

Прикреплено изображение

Понятно? На самом деле, всё просто. Что-то вроде раскладной лестницы. Не важно. Должно сработать.

*

Поделился с первым. Он говорит: «Будь проще». Типа «просто веди себя нормально, тогда не окажешься в яме и конструировать ничего не нужно», «не создавай себе проблем». Ну-ну.

*

Пошел просить пилу у девятого, чтобы сделать задуманное. Уж не знаю, чего это он решил разоткровенничаться. Лицо у меня, видать, такое, располагающее к общению. И, знаете, что? Этот клоун рассказал мне историю про девочку, которую я толкнул. Спросил, помню ли я такое? Они с первым сговорились, что ли?

Молча взял пилу и ушел.

*

Вечер потратил на изготовление конструкции. Странно, но даже хочется попасть в яму, чтобы испытать.

ШУТКА.

Запись двадцать третья

Дохнем, как мухи! Теперь девятый! Просто не проснулся. Я говорю: «Может, он в коме, может, спасти его можно еще!» А они: «В морг, значит, в морг».

*

Шутить, конечно, о таком не стоило. Глупо.

*

Где эти сволочи ученые? Для чего тогда эти камеры? Активно махал перед ними, звал на помощь. Где вертолеты и катера?

Или перемочить нас тут и есть эксперимент?!

*

Чтобы не разбирать палатку девятого, просто поджег ее. Прилетел шестой, разорался, угрожал. Что, говорю, истеришь, жenuшка бьет? Он напрягся, сник и утопал бормоча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.